

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ имени Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

МАТЕРИАЛЫ ХОРЕЗМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Под общей редакцией С. П. Толстова

Выпуск 4

ПОЛЕВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ХОРЕЗМСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ
В 1957 ГОДУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1960

С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт

РАБОТЫ ХОРЕЗМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 1957 г.

Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1957 г., как и в предыдущем году, вела археологические исследования на территории древнего Хорезма и прилегающих областей, обследуя памятники, относящиеся к различным периодам — от начала III тысячелетия до н. э. и до XVI—XVII вв. н. э. Этнографические и археолого-этнографические работы проводились на ныне заброшенных поселениях XVIII—XIX вв. и в современных населенных пунктах Кара-Калпакской АССР и Туркменской ССР.

Работы экспедиции продолжались с 15 апреля по 16 мая и с 1 августа по 28 октября 1957 г.; в них на разных этапах участвовали до 40 научных и научно-технических сотрудников и 55 рабочих-землекопов¹.

Археологические работы экспедиции в 1957 г. проводились в трех районах: 1) на правобережье Аму-Дарьи в Турткульском и Бирунийском районах Кара-Калпакской АССР, 2) на левобережье Аму-Дарьи и в Ташаузской области, Туркменской ССР и 3) в северных Кызыл-Кумах, в бассейне сухого русла Жаны-Дарьи.

I

Продолжая работы в области изучения истории древних племен, населявших область Акча-Дарьинской дельты Аму-Дарьи в эпоху неолита и бронзового века, экспедиция провела рекогносцировочное обследование нескольких стоянок кельтеминарской культуры, среди которых заслуживают

¹ Начальник экспедиции чл.-корр. АН СССР С. П. Толстов, заместители начальника экспедиции по научной части Т. А. Жданко и Ю. А. Рапопорт; заместитель начальника экспедиции по АХЧ Л. С. Суворова; начальники отрядов: Б. В. Андрианов, Б. И. Вайнберг, Н. Н. Вактурская, М. Г. Воробьева, М. А. Итина, Е. Е. Неразник, С. А. Трудновская; научные сотрудники: А. В. Виноградов, О. А. Вишневская, Н. П. Лобачева (Институт этнографии АН СССР), Т. Бегжанов, А. В. Гудкова, А. Туреев, В. Н. Ягодин (Каракалпакский комплексный научно-исследовательский институт АН УзбССР); научно-технические сотрудники: М. Ф. Грошева, М. И. Земская, Г. С. Куртмулаева, В. А. Лоховиц, Р. Л. Садоков; коллекторы: В. Ф. Белокопытова, А. Ф. Леонова, Е. И. Шумилов; архитекторы: Д. С. Витухин, М. С. Ланиров-Скобло, Ю. В. Стеблюк; топограф Н. И. Игонин; фотографии: Ю. А. Аргиропуло, Д. Н. Климович; художники: Ю. Ф. Кубышкин, Г. И. Улько; аспирант Института этнографии АН СССР Л. М. Левина; студенты-практиканты: С. О. Берг, С. П. Карпова (МГУ), М. М. Елизарова, А. И. Мамкина, В. Е. Щербачев (Горьковский государственный университет); врач Л. П. Трохина; электрик-моторист М. У. Юнисов; шоферы экспедиционной автобазы АН СССР: И. П. Воляков, Н. С. Горин, Д. А. Киселев, А. Ф. Негода, Б. В. Прокофьев, П. В. Пятунин, С. А. Сорокин; старший бухгалтер П. К. Банкирцев; секретарь-машинистка М. Х. Сытдекова, зав. складом В. П. Егоров.

внимания стоянки Дингильдже-6 и Кават-5². Обе эти стоянки располагались близ дельтовых протоков и впоследствии, что видно по стратиграфии стоянки Дингильдже-6 (материал стоянки Кават-5 найден уже в переложенном состоянии), были затоплены. Так, остатки развеянного культурного слоя на Дингильдже-6 были обнаружены под разрушающимся такыром, образование которого явилось следствием этого затопления.

Обе стоянки дали типичный для кельтеминарской культуры микролитонидный кремневый инвентарь и лепную керамику, среди которой, помимо широко распространенных форм (вытянутые цилиндрические сосуды с заостренным дном, полусферические чашки и др.), встречены чашки со сливами, типа ладьевидных сосудов со стоянки Джанбас-4.

Кремневый инвентарь и керамика стоянки Кават-5 бесспорно позволяют отнести время ее существования к раннему этапу кельтеминарской культуры (конец IV — первая половина III тысячелетия до н. э.). Кремневый инвентарь стоянки Дингильдже-6 характерен для раннего этапа кельтеминарской культуры, в то время как ее керамический комплекс может быть скорее отнесен к позднему этапу. Вероятнее всего, что время существования этой стоянки — вторая четверть III тысячелетия до н. э.

Отряд экспедиции, занимающийся изучением памятников первобытной культуры (начальник М. А. Итина), продолжал начатые в 1956 г. раскопки двух тазабагъябских поселений — Ангка-5 и Кават-3³.

На стоянке Ангка-5 был раскопан дом древних тазабагъябцев. Он представлял собой слабо заглубленное жилище площадью 10,5×15 м, имевшее перекрытие со столбовой конструкцией; в одной из столбовых ям, располагавшихся главным образом вдоль стен, сохранились остатки деревянного столба. Жилище имело форму, приближающуюся к прямоугольной, вход с восточной стороны. В центре дома находился очаг. Основные находки керамики были сконцентрированы в западной половине дома, преимущественно вдоль стен. Керамика представлена лепными сосудами типичных тазабагъябских форм, украшенными геометрическим орнаментом, резным или нанесенным гребенчатым штампом. Следует также отметить каменную зернотерку с терочником и небольшое свинцовое колечко с заходящими концами, найденное в хозяйственной яме.

На стоянке Кават-3 была раскопана северная половина жилища, имевшего также прямоугольную форму. Его площадь — примерно 12×14 м. Так же как и жилище на стоянке Ангка-5, оно было вырыто в земле. Однако дом на стоянке Кават-3 отличается от ангка-калинского большей сложностью столбовых конструкций и обилием хозяйственных ям. Последние располагались, видимо, вдоль стен, а посередине была совершенно ровная площадка с центральным очагом. Керамика типично тазабагъябская, но отличается от ангка-калинской обилием сосудов, украшенных резным орнаментом. В хозяйственных ямах были найдены обломки двух бронзовых однолезвийных ножей, бронзовое четырехгранное шило с рукоятью из специально обработанной кости барана и великолепный сланцевый наконечник дротика удлиненной листовидной формы, обработанный с двух сторон по краям отжимной ретушью.

Обе стоянки могут быть датированы второй половиной II тысячелетия до н. э., причем, судя, в частности, по преобладанию гребенчатого штампа на сосудах с поселения Ангка-5, последнее несколько старше, чем стоянка Кават-3.

Наиболее интересным является то, что в то время, как на стоянке Ангка-5 и на расположенном немного севернее более позднем могильнике

² См. статью А. В. Виноградова в настоящем сборнике.

³ См. статью М. А. Итиной в настоящем сборнике.

Кокча-3 при раскопках кости животных почти не обнаружены, на стоянке Кават-3 они найдены в большом количестве. Это свидетельствует о развитии животноводства и употреблении мяса животных в пищу. Встает вопрос, нельзя ли предположить существование двух направлений в животноводстве, связанных, возможно, с различными религиозными взглядами. Молочное животноводство, по-видимому, было распространено в восточных районах (Ангка-5, Кокча-3), а среди населения западных районов (Кават-3) — мясное животноводство, которое столь характерно для памятников степной бронзы более северных районов.

В 1957 г. в Кават-калинском древнем оазисе археолого-топографическим отрядом экспедиции было открыто около десятка поселений амирабадской культуры⁴.

Маршрутному археологическому обследованию подверглись территории к востоку от Кават-калы, где между системой Гавхорэ и магистральным Якке-Парсанским каналом было выявлено засыпанное местами песком меридиональное русло в виде такырной полосы шириной в 50—70 м. Его берега, увенчанные барханными и грядовыми песками, возвышаются над уровнем дна на 1—2 м. На всем протяжении этого русла, начиная от окрестностей Кум-Калы и кончая окрестностями Якке-Парсана, были открыты стоянки эпохи развитой и поздней бронзы.

Особенно интересные находки сделаны в окрестностях развалин Якке-Парсана, где обнаружены остатки оросительной системы амирабадского времени и большого поселения с прекрасно сохранившейся планировкой жилищ. Поселение Якке-Парсан-2 расположено в 2 км к юго-западу от Якке-Парсана, в нижней части небольшого возвышающегося над окрестными такырами сухого русла, берега которого были укреплены дамбами. Оно начиналось в меридиональном главном русле в 3,8 км к юго-западу от Якке-Парсана, имело ширину 15 м, а длину — 1,8 км и заканчивалось веерообразной системой небольших арыков, сохранившихся теперь на местности в виде узких (2—3 м ширины) такырных полосок, оскотуренных растительностью. Между арыками располагаются скопления керамики, очажных камней и т. д.

Особый интерес представляют выявленные здесь планировки домов. На совершенно ровной поверхности такыра видны несколько выделяющиеся по цвету подпрямоугольные пятна, и подобные им по форме и размерам россыпи керамики, иногда с очажными выкладками в центре. Средняя площадь пятен с керамикой и без нее равна 12×10 м; располагаются они на поверхности такыра двумя рядами, как бы образуя улицу. Проведенная топографическая съемка зарегистрировала около двадцати таких пятен (рис. 1). Россыпи керамики с очажными выкладками представляют собой остатки развееанных жилищ. В результате шурфовки одного из пятен без керамики оказалось, что это тоже остатки дома, но, возможно, лучшей сохранности. По краю пятна был заложен шурф длиной в 1,5 м на глубину около 0,5 м; при шурфовке был обнаружен уходящий вниз культурный слой с золой и угольками. Вероятно, эти жилища, как и на тазабагъябских стоянках, были несколько заглублены, так как культурный слой перекрыт суглинистой линзой, свидетельствующей, что в этом углублении некогда стояла вода.

⁴ Об амирабадской культуре см. работы: С. П. Толстов. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948, стр. 68—70; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 89—90; об амирабадской ирригации см.: С. П. Толстов и Б. В. Андрианов. Новые материалы по истории развития ирригации в Хорезме. КСИЭ, вып. XXVI. М., 1957, стр. 6—7 и таблица «Историческое развитие ирригационных систем Хорезма».

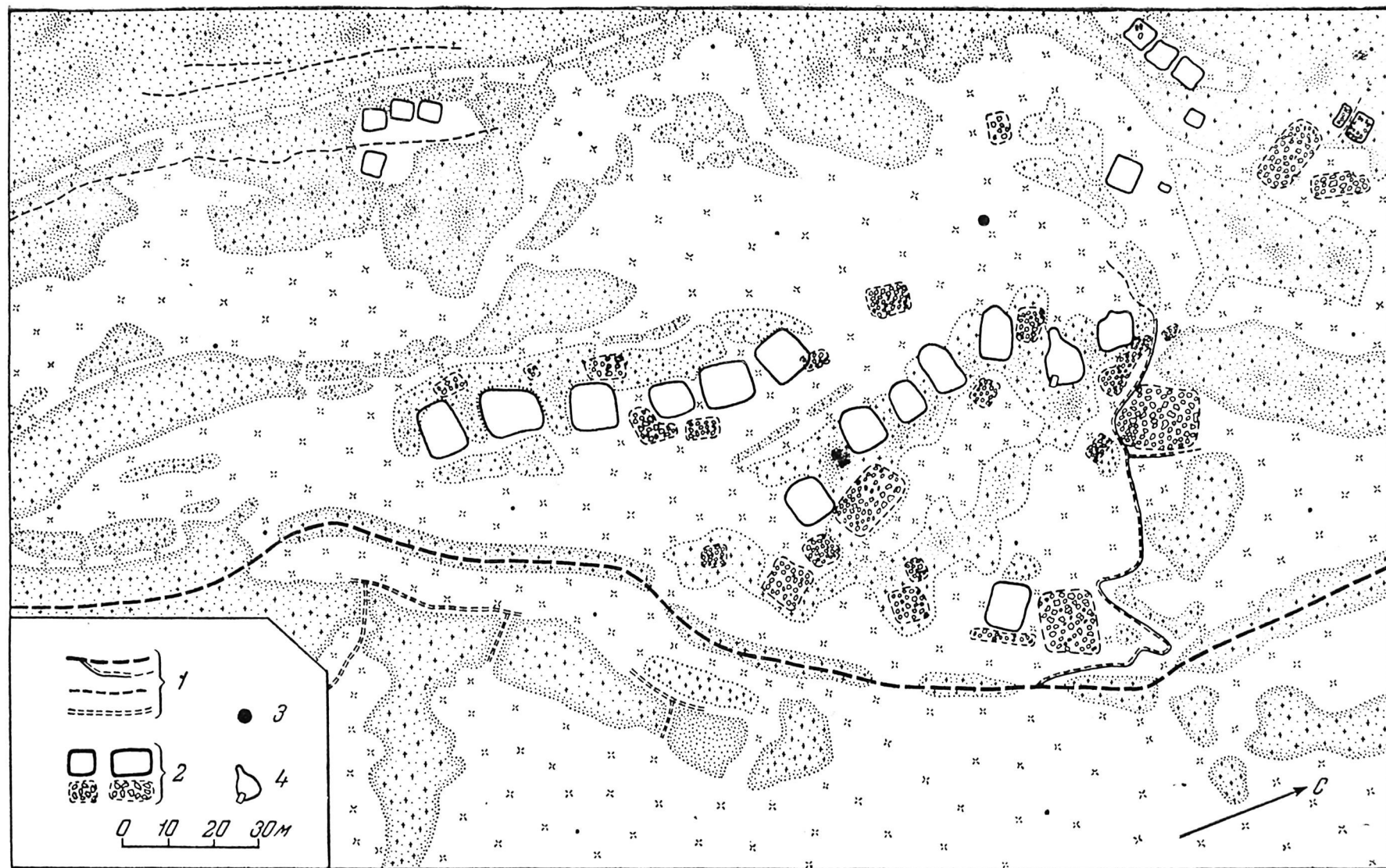

Рис. 1. Якке-Парсан-2. План поселения

1 — каналы; 2 — следы построек; 3 — керамическая печь; 4 — шурф

Поселение вытянуто в меридиональном направлении более чем на 250 м, в широтном — примерно на 100 м. В северо-западной части поселения обнаружены остатки гончарной печи. Керамика, собранная на поселении, отличается наличием типичных для амирабадской культуры сосудов с округлым туловом и коротким горлом, вылепленных из глины с примесью

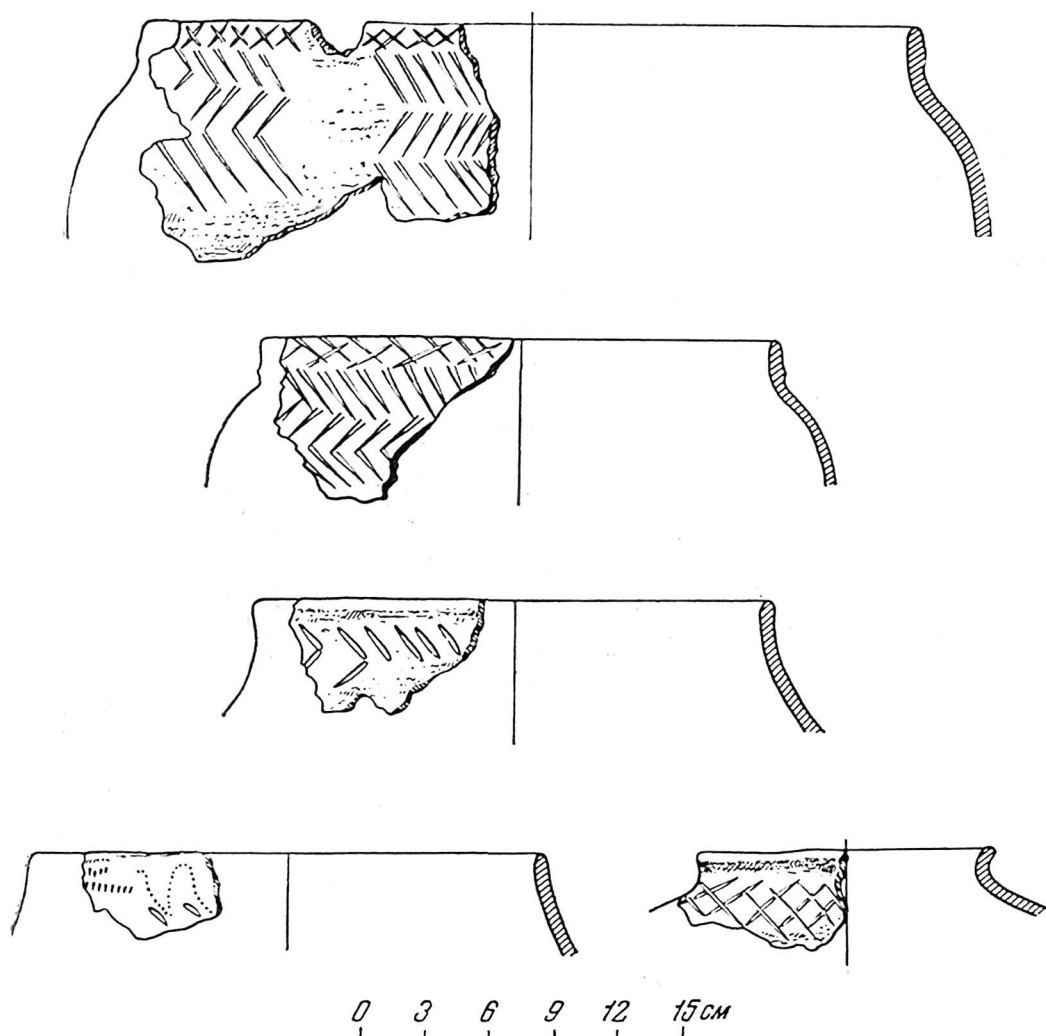

Рис. 2. Якке-Парсан-2. Керамика

шамота или дресвы и имеющих черный излом и поверхность красного цвета (рис. 2). Иногда по шейке таких сосудов идет резной орнамент в виде елочки или решётки⁵.

Поселение Якке-Парсан-2 здесь не единственное. На западном берегу древнего меридионального протока было открыто еще несколько амирабадских стоянок (Якке-Парсан-4, 5, 6, 7, 8). Они размещаются преимущественно на прирусловых валах и поблизости от протока.

Из этой группы стоянок наибольший интерес представляет стоянка Якке-Парсан-8, расположенная на большом песчаном бугре в 3,5 км к западу-юго-западу от Якке-Парсана, возле дороги, ведущей на Каваткалу. В западной ее части амирабадская керамика хорошей сохранности смешана с античной архаической ремесленной посудой. Находка бронзового втульчатого наконечника стрелы дает возможность приблизительно датировать этот комплекс VIII—VII вв. до н. э. Восточная часть стоянки

⁵ На поселении Якке-Парсан-2 в 1958/59 гг. велись раскопки, в результате которых было вскрыто семь домов-полупогребов. См.: «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 3, М., 1960, стр. 131—132.

почти лишена амирабадской керамики. На поверхности заметны линии прямоугольной планировки помещения (10×9 м). Площадка усеяна обломками архаической посуды (хумов, хумчей, тазов, мисок, чаш и т. п.).

Находки на Якке-Парсане-8 амирабадской и архаической керамики, заставляют предположить, что именно здесь удастся проследить, насколько эти культуры были связаны между собой, какова была форма этих связей и т. д.

II

В 1957 г. были закончены раскопки памятника классической культуры Хорезма — Кой-Крылган-кала (IV в. до н. э.— I в. н. э.), которые проводились с 1951 по 1957 г. (рис. 3)⁶.

Рис. 3. Кой-Крылган-кала. Вид с воздуха после раскопок 1957 г.

Раскопки продолжались около двух месяцев—с 1 августа по 1 октября (под общим руководством С. П. Толстова; начальник западного сектора — М. Г. Воробьева, восточного — Ю. А. Рапопорт); в них был занят основной коллектив экспедиции — 36 научных, научно-технических сотрудников

⁶ См. работы С. П. Толстова: Археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1951 г. СА., XIX, 1954, стр. 255—258; Работы Хорезмской экспедиции АН СССР по раскопкам памятника IV—III вв. до н. э.— Кой-Крылган-кала (март—май, 1952). ВДИ, 1953, № 1, стр. 160—174; Археологические исследования Хорезмской экспедиции 1952 г. «Вестник АН СССР», 1953, № 8, стр. 39—40; Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г. ВДИ, 1955, № 3, стр. 201—204; Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954 г. «Советское востоковедение», 1955, № 6, стр. 85—95; Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР за 1952—1953 гг. Международный конгресс востоковедов. 23-й, Кембридж, 1954. «Доклады советской делегации. Секция Ирана, Армении и Средней Азии». М., 1954, стр. 15—19; Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции 1951—1954. «Вопросы истории», 1955, № 3, стр. 177—179; Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг., СА, 1958, № 1, стр. 118—123; Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1937—1956), СЭ, 1957, № 4, стр. 46—51; Работа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954—1956 гг. Материалы ХЭ, вып. 1, М. 1959, стр. 17—24.

и лаборантов, 52 рабочих и 13 административно-технических и административно-хозяйственных работников, всего 101 человек. Была вскрыта площадь около 1100 м². Работы велись на внешнем кольце — в районе входа и на юго-восточном секторе, а также в оставшемся не вскрытым помещении

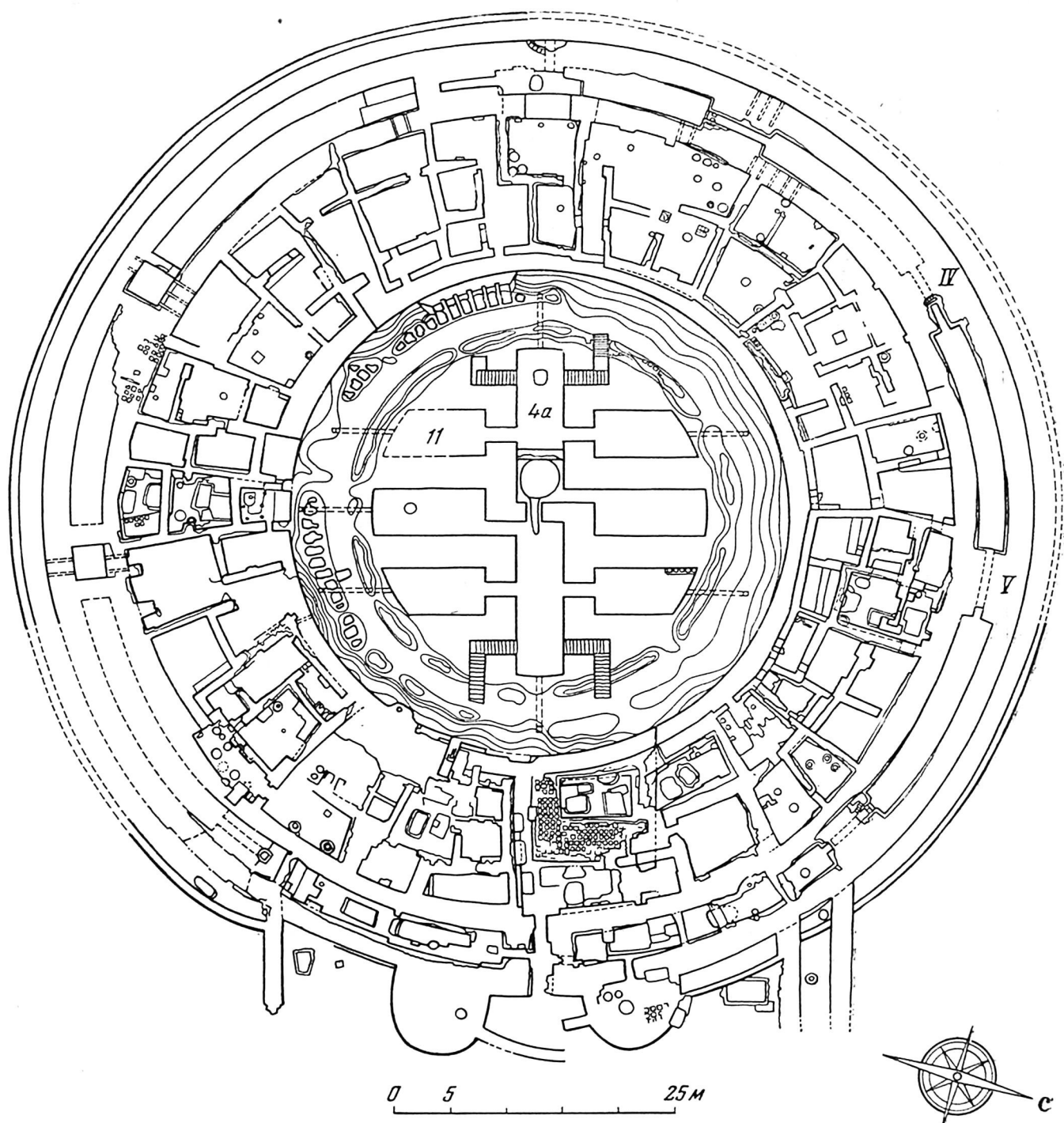

Рис. 4. Кой-Крылган-кала. Общий план

4а, 11 — номера помещений центрального здания: IV, V — номера башен

№ 11 центрального здания (рис. 4). В результате раскопок 1957 г. мы получили материал, который еще раз подтвердил правильность сделанных ранее выводов и позволил по-новому осветить некоторые вопросы истории памятника, особенно на последнем этапе его существования.

Были получены новые данные о внешнем поясе крепостных укреплений. Траншеи, заложенные по северной и южной осям вне пределов памятника,

позволили установить, что крепость была окружена рвом. Он проходил в четырех метрах от внешней крепостной стены и достигал ширины около 15 м, при глубине до 3 м. Помимо двойной стены с внутренней стрелковой галереей, крепость была окружена невысокой барьерной стенкой, расположенной на расстоянии около 2 м от основной крепостной стены. Барьерная стена была сложена из сырцовых кирпичей (примерно в два кирпича

Рис. 5. Кой-Крылган-кала. Внешнее кольцо: помещение № 25-В

толщиной). Она обрушилась, возможно, во время штурма и оказалась лежащей на внешней стене крепости. Высота барьерной стенки, судя по размерам кирпичного завала, местами хорошо сохранившегося, не превышала 1,5 м. Небольшая высота и незначительная толщина этой стены заставляют предположить, что она, как и аналогичные сооружения в средневековой фортификации, служила для задержки нападающих перед основными укреплениями. Стена эта в целом ряде мест была разрушена стенобитными орудиями. Видимо, эта барьерная стенка была построена на последнем этапе истории памятника, так как сопоставление ее со рвом, относящимся к первоначальному плану памятника, и различными конструкциями, например, с башнями предвратного укрепления, показывает, что стена была построена уже после того, как эти башни были разрушены, а ров засыпан.

Самое интересное и новое дали раскопки, связанные с реконструкцией оборонительных сооружений у входа в крепость. Крепостные ворота были расположены по восточной оси, и их направление совпадает с направлением центрального неффа. Вход в крепость фланкировали две полуциркульные башни (ширина их 9 м, они выступают на 6 м). Сохранились также остатки двух отсечных стенок, образующих последний отрезок внешнего предвратного лабиринта. Особый интерес вызывают две мощные стены, расположенные на 21—23 м севернее и южнее оси ворот и идущие в восточном направлении; северная стена двойная, с коридором посередине. Надо полагать, что это остатки обширного предвратного укрепления, защищавшего ворота с обеих сторон и спереди. При раскопках юго-восточного сектора внешнего кольца мы обнаружили ряд больших помещений, часть

которых оказалась хозяйственными. Особый интерес представляет помещение № 25-В; его восточную часть занимало возвышение типа суфы, выложенное обломками стенок хумов (рис. 5).

В первом строительном периоде на этой вымостке располагались клетки ($2,20 \times 1,60$ м) со стенками из сырцового кирпича (целого и половинок), причем стенки и пол клеток были покрыты слоем плотной обмазки

Рис. 6. Кой-Крылгап-кала. Надпись на хуме

из глины с саманом. Возможно, что клетки служили в качестве закромов. К югу от вымостки зачищены ямки от хумов.

К этому хозяйственному помещению примыкал комплекс жилых комнат. Судя по их величине и основательности постройки, они могли принадлежать привилегированной части персонала большого храмового хозяйства.

В этом же году были проведены раскопки последнего не вскрытого помещения центрального здания — комнаты № 11.

Из центрального нефа (помещение № 4а) в помещение № 11 ведет дверной проем шириной 1,2 м, перекрытый сырцовым сводом. Ширина помещения — 4,2 м. Отметка пола нижнего горизонта + 36 (вероятно, расчищена верхняя обмазка), причем на полу встречаются фрагменты керамики раннекангюйского типа. Оказалось, что в отличие от ранее раскопанных, это помещение имело два пола, причем верхний (отметка + 240) был на 2 м выше нижнего. Разрез дает основание предположить, что заполнение помещения № 11 до уровня пола верхнего горизонта образовалось за счет обрушения свода и главным образом выбросам при расчистках большого колодца-котлована в помещении 4а. Помещение верхнего горизонта разделено на две комнаты, из которых северная вскрыта полностью. Она соединена дверным проемом с южной комнатой, перекрытой сохранившимся сводом первого строительного периода. Над северной комнатой древний свод не сохранился; по-видимому, она была или плоско перекрыта или совершенно открыта. Культурный слой верхнего пола дал материал, датируемый концом I в. н. э.

Сопоставляя разрез помещения № 11 с разрезом помещения № 4а, удалось установить, что уровню верхнего пола помещения № 11 соответствует

тонкая камышовая прослойка, обнаруженная во время раскопок помещения № 4а в 1953 г. Возможно, что она лежала на полу. Таким образом, через некоторое время после того, как крепость была заброшена, началось ее повторное использование. Однако немногочисленные обитатели жили

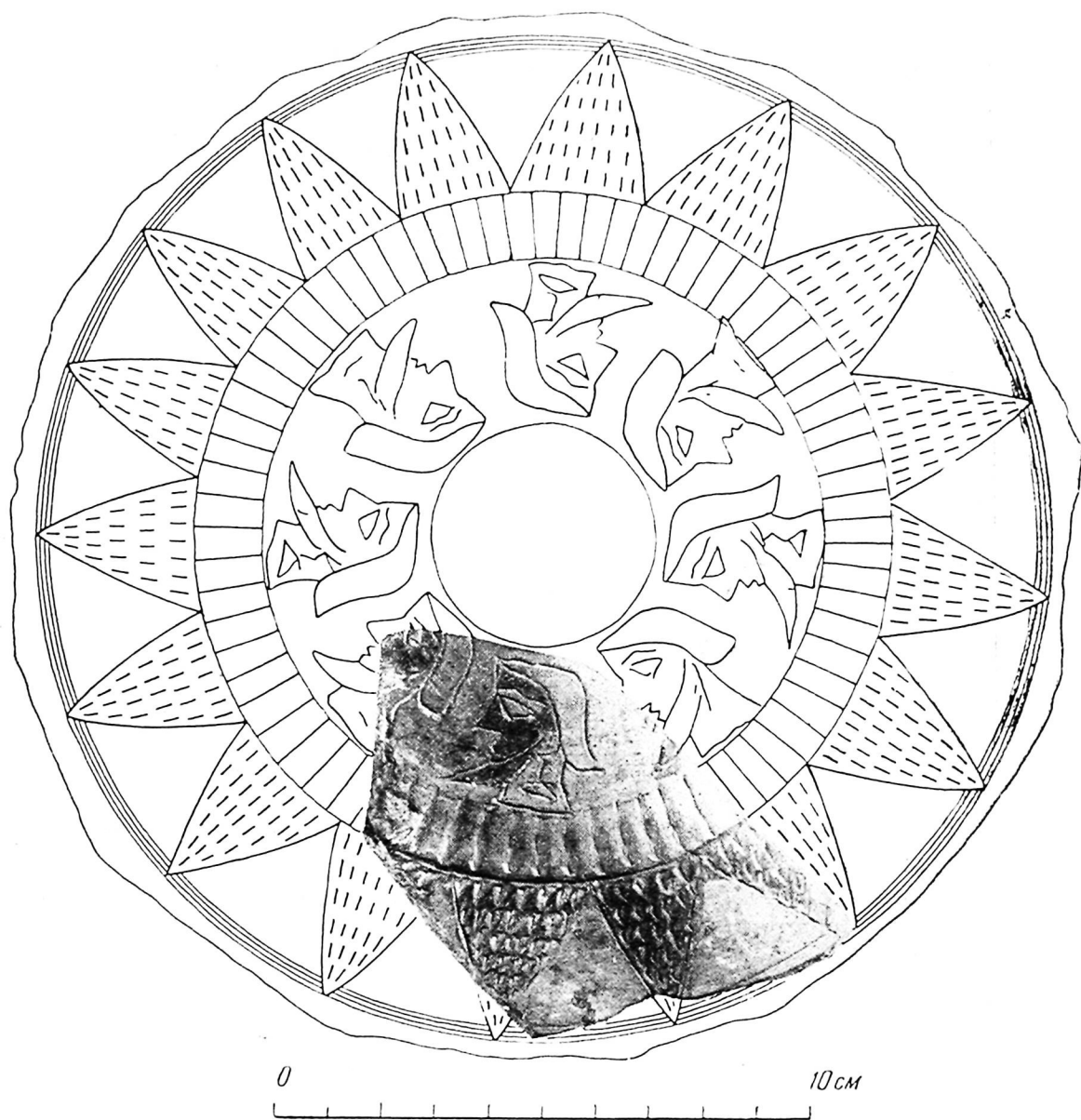

Рис. 7. Кой-Крылган-кала. Фрагмент и реконструкция глиняной крышки

уже на развалинах. Этим объясняется то, что на нижнем полу помещения 4а не обнаружены регулярно лежащие кирпичи сводов. При повторном использовании здания своды были просто срублены. Эти-то обитатели крепости и пользовались большим колодцем.

В результате раскопок 1957 г. можно сделать новые выводы о последнем этапе существования Кой-Крылган-кала. Мы предполагаем, что крепость как важный политический центр, связанный, по-видимому, с династическим культом хорезмийских царей, была разрушена Кушанским правительством в период присоединения Хорезма к Кушанской империи. Возобновление жизни в этой полуразрушенной крепости произошло, вероятно, судя по находкам, в кушанское время.

Раскопки 1957 г. дали ряд интересных находок. Так, например, обнаружена еще одна надпись на стенке хума (рис. 6). Особенно следует отметить фрагмент крышки керамического сосуда с изображением мужских голов

в профиль влево, расположенных друг за другом по кругу. Полностью сохранилось изображение одной головы, от второй остался лишь затылок, от третьей — конец бороды и кончик носа. Контур рисунка прочерчен до обжига: показан профиль лица, контур глаза, бровь, ухо с серьгой,

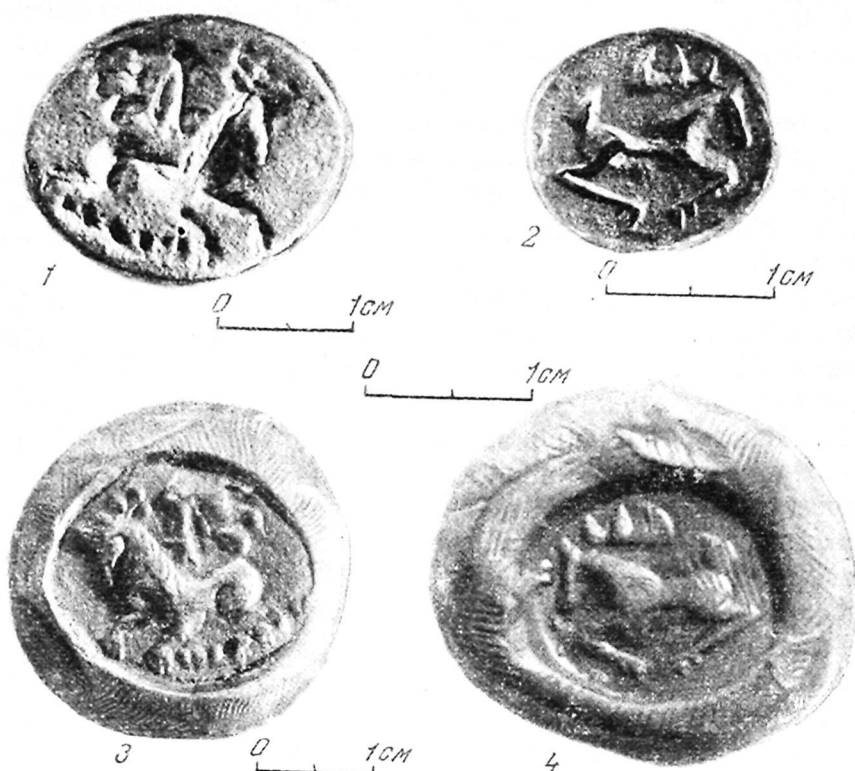

Рис. 8. Печати из окрестностей Кой-Крылган-калы
1,2 — печати; 3,4 — оттиски с них

остроконечная бородка и длинные волосы. Фон черепка розовато-оранжевый; лицо и борода покрыты жидкой темно-красной краской; шея, прическа и глаз не закрашены. Изображения окружены слегка выступающим плоским пояском с поперечными удлиненными углублениями, от пояaska расходятся, также по кругу, прочерченные равнобедренные треугольники, заполненные рядами треугольных углублений. Треугольники тоже закрашены жидкой темно-красной краской (рис. 7). Находка сделана в яме коридора крепостной стены на участке к югу от входа.

В том же коридоре, на участках между башнями V и IV, найден небольшой, покрытый светлым ангобом фрагмент оссуария с рельефным изображением человеческой руки. Среди терракотовых статуэток, найденных в этом году, обращает на себя внимание изображение обнаженной женщины с очень своеобразными и грубо вылепленными чертами лица. Встречены также фрагменты алебастровых статуэток. Среди них следует отметить довольно крупную женскую головку со следами черной и розовой красок.

Из железных изделий найдены перстень, трехлопастная черешковая стрела, нож и крючок для подвешивания котла над огнем. Из костяных изделий интересны небольшая рукоятка ножа с бронзовой заклепкой для прикрепления лезвия; фрагмент крупной рукоятки, украшенной на концах двумя выпуклыми валиками, на одном из которых сделаны две нарезные полоски и концевая обкладка лука.

В окрестностях Кой-Крылган-калы найдено несколько печатей. На

одной из них изображен олень в летучем галопе (рис. 8, 2, 4), на другой — сцена «терзания» (рис. 8, 1, 3). Изображения близки к скифскому искусству и представляют собой один из вариантов «звериного стиля».

Таким образом, при раскопках был собран разносторонний материал для характеристики культуры классического Хорезма.

III

Во время работ основного отряда экспедиции, проводившихся на правом берегу Аму-Дарьи, археолого-топографический отряд (начальник Б. В. Андрианов) продолжал исследования античной и средневековой ирригации и сбор материала для составления археологической карты правобережья Аму-Дарьи.

Беркут-калинский археологический отряд (начальник С. А. Трудновская) весной 1957 г. продолжал раскопки относящегося к афригидскому времени замка № 19, расположенного в Беркут-калинском оазисе.

На средневековом замке Кават-кала небольшим отрядом под руководством Н. Н. Вактурской производились небольшие работы по извлечению резного дерева из помещения, вскрытого в 1956 г.

На первом этапе интересные исследования проводились археолого-этнографическим отрядом экспедиции (начальник Б. И. Вайнберг), работавшим в Куня-Ургенчском и Ленинском районах Ташаузской области близ русла Дарьялыка, в урочищах Ат-крылган и других, в бывших поселениях туркмен помутот-подразделений кара-чоки, орсукчи, окуз и т. д. Отряд работал на окраинах культурной полосы и прилегающих участках Кара-Кумов, где сохранились остатки туркменских поселений, покинутых в XIX в. в связи с жестокой политикой управлявших этими группами туркмен хивинских ханов⁷. Для усмирения частых восстаний туркмен ханы лишали их селения воды, перекрывая ирригационные каналы. В покинутых поселениях археолого-этнографический отряд исследовал типы расселения, планировку аулов, архитектуру жилищ, особенности ирригационного земледелия. Работы проводились путем сочетания археологических изысканий с этнографическими, поскольку в современных колхозных селениях у границ культурной полосы с песками еще живы старики, ближайшие родственники которых — отцы и деды — некогда жили в изучаемых отрядом поселениях; старики сообщили много ценных сведений, помогающих восстановить картину быта туркмен в XVIII—XIX вв.

Большой интерес представляет впервые открытое туркменское поселение городского типа — развалины базара у крепости Кызылча-кала, с улицами и правильной планировкой кварталов.

IV

Параллельно с археологическими отрядами и в тесном контакте с ними работали в различных, расположенных в бассейне Аму-Дарьи районах Узбекской и Туркменской ССР и Кара-Калпакской АССР этнографические отряды экспедиции, которые подходили к выяснению исторического прошлого Хорезма путем анализа этнографического материала, собираемого среди народов, ныне населяющих низовья Аму-Дарьи (каракалпаков, узбеков, туркменов).

Каракалпакский этнографический отряд проводил свои исследования в Кунградском и Муинакском районах Кара-Калпакской АССР. Он изучал историю хозяйства и пережитки древних форм общественного строя каракалпаков, сохранивших до конца XIX — начала XX в. архаи-

⁷ См. статьи Б. И. Вайнберг в настоящем сборнике.

ческие традиции полукочевничьего образа жизни, комплексное скотоводческо-земледельческое и рыболовческое хозяйство и пережитки родоплеменного деления⁸.

В старых аулах районов орошаемого земледелия среди групп каракалпаков — кенегес и мангыт — в бассейне Кегейли изучались путем распросов стариков-мирабов особенности каракалпакской водоземельной общины. Собран исторический материал о расселении родоплеменных групп, водопользовании, исследовались местные формы патриархально-феодалных отношений, обычаи и обряды, характеризующие реликты родовой общины в XIX в.

Среди приморских групп каракалпакского населения, у которых наиболее развито было в прошлом комплексное хозяйство, отряд собрал ценные материалы о формах и технике ведения скотоводства, земледелия и рыболовства в дельте Аму-Дарьи, об организации этого хозяйства, разделении труда в родственниках аулах и семьях, совмещающих все эти три вида хозяйственных занятий. Много времени отряд уделял также изучению каракалпакских памятников XIX в. в дельте Аму-Дарьи.

Узбекский этнографический отряд работал в Хорезмской области Узбекской ССР и в некоторых районах Туркменской ССР и Кара-Калпакской АССР. Особенно интересны работы среди южных узбеков Хорезма, потомков древнейшего населения оазиса. Отряд исследовал архаические элементы быта и обильные пережитки древних форм общественного строя, обрядов и верований населения. Собран большой материал по свадебным, погребальным и другим обычаям, в которых отражаются реликты возрастных делений и разных форм общинного быта, а также домусульманских верований; особенно ярки пережитки зороастризма и шаманства⁹. Изучались мазары, почитание которых восходит к древним культам плодородия, имеющим орнаментическую окраску. Записано много легенд и преданий, связанных с археологическими памятниками Хорезма, среди которых особенно интересен исторический фольклор, посвященный древней столице Хорезма г. Кяту (Шаббаз-Бируни) и связанный с именем великого Ал-Бируни.

V

В текущем году мы, наряду с раскопками и этнографическими работами в низовьях Аму-Дарьи, приступили к исследованию памятников, расположенных в пустыне Кызыл-Кум, вдали от основной территории древнего Хорезмского оазиса. Памятники эти принадлежат племенам, населявшим район древнего русла Жаны-Дарьи и тесно связанным с Хорезмом. Вопрос о взаимоотношениях древних культурных центров Средней Азии, в частности Хорезма, со степными кочевыми и полукочевыми варварскими племенами античной эпохи является одной из центральных, наиболее сложных и недостаточно разработанных проблем.

В 1957 г. экспедиция приступила к раскопкам двух крупных памятников, расположенных на территории кочевой варварской периферии Хорезма — городища Чирик-рабат и комплекса Бабиш-мулла. Памятники находятся примерно в 200 км к юго-западу от современного города Кызыл-Орда.

Во время стационарных работ на этих объектах экспедиция вела большие разведочные исследования по изучению античных и средневековых памятников, расположенных вдоль нижних и средних отрезков ныне сухого русла Жаны-Дарьи.

Из крупных античных памятников упомянем крепость Кабул-кала (Ча-

⁸ См. статью Т. А. Жданко в настоящем сборнике.

⁹ См. статьи Г. П. Снесарева в настоящем сборнике.

гырлы-1) (рис. 9), расположенную примерно в 45—46 км к северо-западу от Чирик-рабата. Крепость в плане имеет вид не вполне правильного прямоугольника (55 × 50 м). В юго-восточной стене располагаются ворота с предвратным сооружением, от которых вниз, на такыр, идет глинистый пандус. Стены сохранились на высоту до 4—5 м, причем сложены они

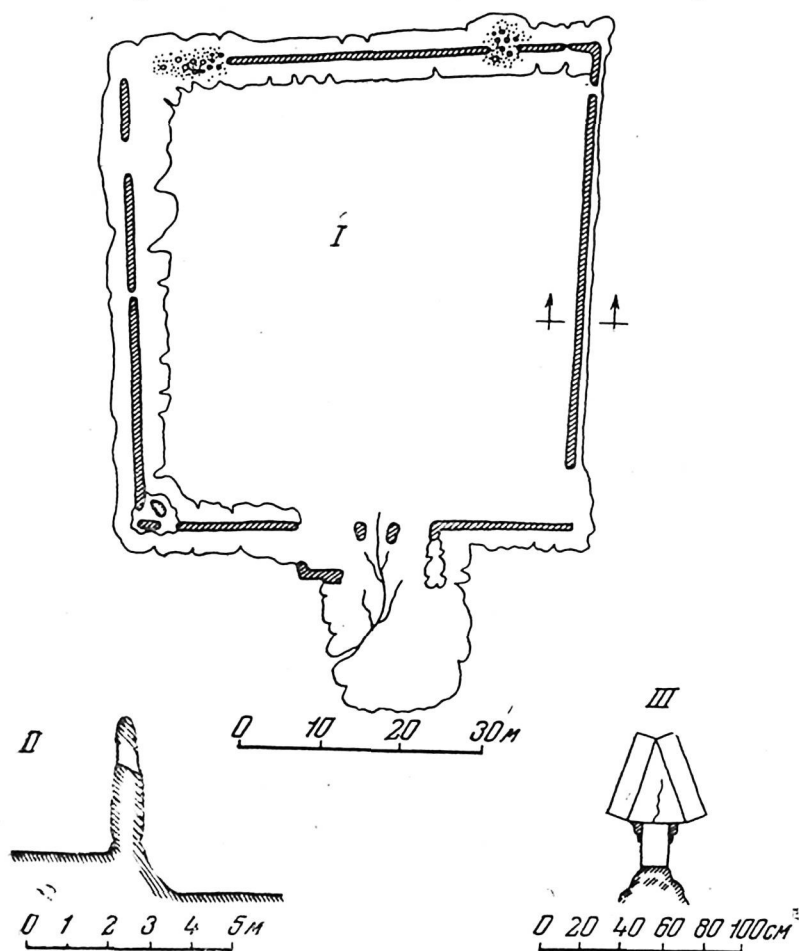

Рис. 9. Чагырлы-1

I — план; II — разрез по стене; III — бойница

в нижней части из пахсы, выше идет сырцовый кирпич. Стены имеют два ряда бойниц, расположенных в шахматном порядке; нижний ряд бойниц находится в пахсовой кладке; кирпичная кладка начинается со стреловидного окончания нижнего ряда бойниц и продолжается выше. Внутренней планировки крепости проследить не удалось.

По внешнему облику крепость напоминает античную хорезмийскую крепость Джанбас-кала (IV в. до н. э.), и очень возможно, что здесь перед нами пример заимствования и переработки варварами архитектурных и фортификационных приемов хорезмских зодчих.

Большой интерес представляют два обследованных экспедицией средневековых памятника: крепость Бештам-кала и мазар Сарлы-там.

Крепость Бештам-кала расположена близ Орунбай-калы — каракалпакской феодальной усадьбы XVIII — начала XIX в., обследованной Хорезмской экспедицией ранее ¹⁰.

Крепость расположена на южном берегу сухого русла Жаны-Дарьи и занимает очень большую площадь — примерно 390 × 300 м (рис. 10). Крепость окружена двойным кольцом стен, сложенных из пахсы, и боль-

¹⁰ Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса. «Труды ХЭ», т. 1. М., 1952, стр. 522—524.

шим рвом. Внутренняя стена более мощная, с множеством башен и коридором внутри. Сохранившаяся высота стены между башнями на наименее размытых участках — около 1,5 м, ширина — около 10 м. Вторая, внешняя стена — более низкая; непосредственно за ней — прекрасно сохранившийся ров, шириной от 20 до 50 м, глубиной 2—3,5 м. Очень интересны

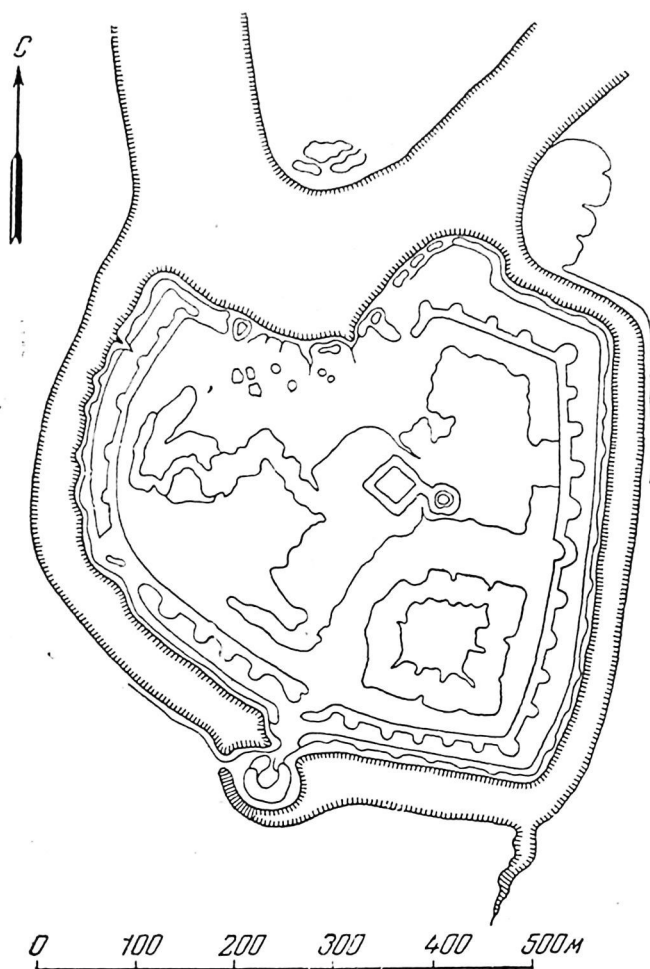

Рис. 10. Бештам-кала. Общий план

оборонительные сооружения перед воротами, которые были и в северной и в южной стенах. На севере ворота выходили к руслу реки и здесь, очевидно, был мост; на противоположной стороне, вдоль берега, в этом месте расположен большой вал со следами построек, россыпями керамики; видимо, здесь было какое-то заградительное сооружение оборонного характера. В южной стене сохранились следы конструкций ворот с большим, сложным предвратным сооружением, связанным со рвом. Вероятно, вода играла большую роль в защите крепости. Помимо рва, возле ворот были и другие сооружения оборонительного назначения. Непосредственно за южными воротами крепости начинались каналы, но это уже каракалпакская ирригационная сеть, поля.

Поверхность городища густо заросла саксаулом, так же как пространство между стенами и ров. Заросли саксаула очень затрудняют выявление внутренней планировки, но все же можно различить направление основных ее линий. Так, прослеживается довольно ровная пониженная полоса вдоль стен внутри крепости; возможно, это пространство не застраивалось. В центре городища еще в 1946 г. было зафиксировано прямоугольное здание из обожженного кирпича (размер кирпича $23 \times 23 \times 4,5$ см),

разобранное в настоящее время населением. На поверхности городища намечается углубление, пересекающее крепость в направлении с севера на юг. Можно предположить, что здесь была центральная улица. Планировку отдельных домов проследить нельзя — они слились в небольшие всхолмления. В северо-восточной части городища — большой пониженный участок; возможно, что здесь был водоем или базарная площадь.

По обильным находкам керамики можно датировать крепость приблизительно XII—XIII вв., хотя встречаются фрагменты керамики монгольского времени.

В новое время в северо-западной части городища был расположен аул, по всей вероятности, каракалпакский; от юрт сохранились обвалованные круги. В валах особенно обильны находки керамики и других предметов, так как материал для обваловки брался с поверхности городища. Юрты заглублялись в землю приблизительно на 0,5 м, высота валов в настоящее время достигает 1,5 и более метров (от дна заглубления). Близ северной стены крепости находился центр аула, состоящий из шести примыкающих друг к другу юрт. Отдельные юрты размещались между этим комплексом и стеной, одна — непосредственно на стене. Можно полагать, что выбор каракалпаками для поселения развалин хорошо укрепленной старой крепости объяснялся необходимостью оградиться от нападений врагов. Возможно, что кое-что было сделано для обновления и усиления фортификации крепости: углублен ров, а может быть, и построено внешнее кольцо стены (в. XVIII — начале XIX в.). Из опросов стариков-казахов и местного населения ясно, что аул на этих развалинах был именно каракалпакским, а не казахским. Это подтверждается и тем, что в данной местности находилась известная по историческим источникам каракалпакская крепость Орунбай-кала. Здесь также обнаружена обширная каракалпакская ирригационная сеть.

Находки с Бештам-калы богаты и разнообразны. На внешнем склоне внутренней средневековой стены (на юго-западном участке) найдены фрагменты металлического круглого щита (рис. 11, 1, 2). При зачистке склона на этом же участке обнаружены два железных наконечника копья и железные стрелы (рис. 11, 3). Здесь, видимо, шел бой, крепость брали приступом.

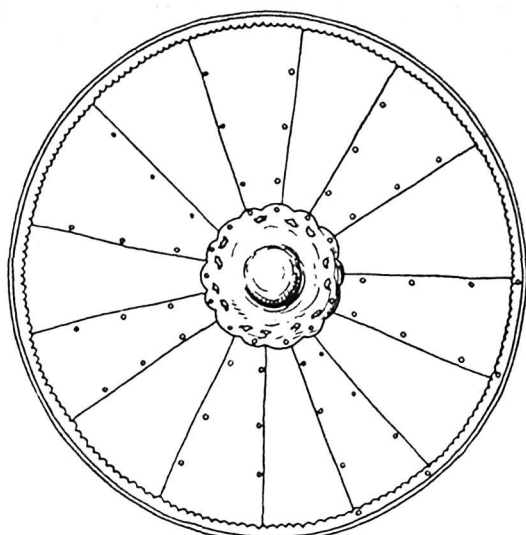
Керамика разнообразна: без поливы — сероглиняная, красноватая, светло-желтая; и поливная — также нескольких видов. Интересна посуда варварского типа — с рельефным и резным узором. Много бус с голубой поливой и из пасты с цветной инкрустацией. Очень много металла, стекла; встречаются фрагменты каменных сосудов. Обильны находки кирпичей, гончарных шлаков, обнаружено несколько фрагментов сфероконусов. Монет среди находок, к сожалению, нет. В районе расположения каракалпакского аула найдены на поверхности обломки поздних сосудов — кувшинов и мисок с голубой и зеленой поливой внутри.

Через один из валов около юрт сделан шурф, давший небольшой (до 20 см) каракалпакский культурный слой, а ниже — два средневековых пола. На разрезе шурфа отчетливо видно, как слой насыпного вала срезает средневековые слои. При продлении шурфа в глубь круга юрты и наружу, за пределы вала, находки становятся интереснее; на верхних полах — следы камыша, в верхнем слое найдена своеобразная керамика, возможно, каракалпакская — из грубой серой рыхлой необожженной глины, а также чрезвычайно интересный очаг — круглый, диаметром в 35 см, с сохранившейся глубиной в 19 см, обложенный снаружи кирпичом, внутри — прямоугольными плитками, украшенными примитивным орнаментом из резных линий. Внутренняя облицовка образует многогранник, приближающийся к кругу. Скорее всего, однако, что это не были изготовлявшиеся отдельно плитки, а просто толстый слой обмазки, на котором

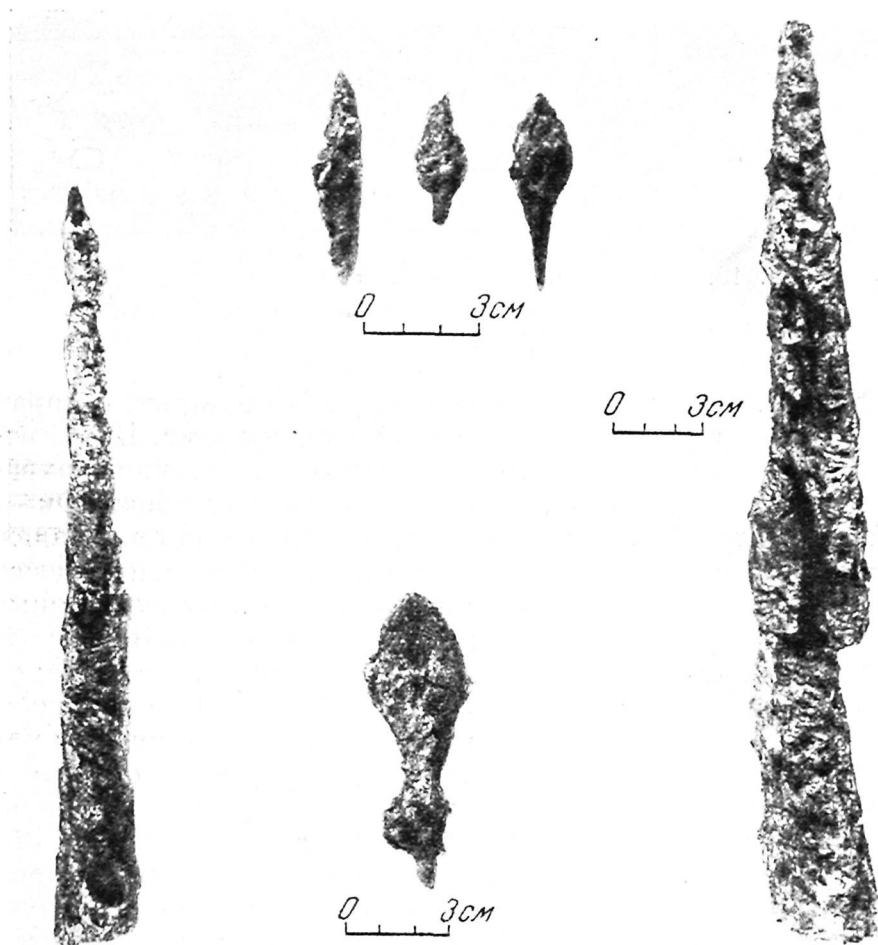
0 3 6 9 cm

1

0 6 12 18 cm

2

3

Рис. 11. Оружие, найденное при обследовании крепости Беншам-кала
1 — прорисовка сохранившейся части щита; 2 — реконструкция щита; 3 — железные наконечники стрел и копий

до просушки был нанесен орнамент, впоследствии обожженный огнем очага. Ближайшие параллели такому типу очага с орнаментом на внутренней стенке известны из этнографического материала Киргизской и Южно-узбекской экспедиций.

Средневековый комплекс Сарлы-там был открыт в 1946 г.¹¹ и там были произведены эскизные архитектурные обмеры и предварительное археологическое обследование, многообещающие результаты которых и заставили нас снова вернуться к этому памятнику.

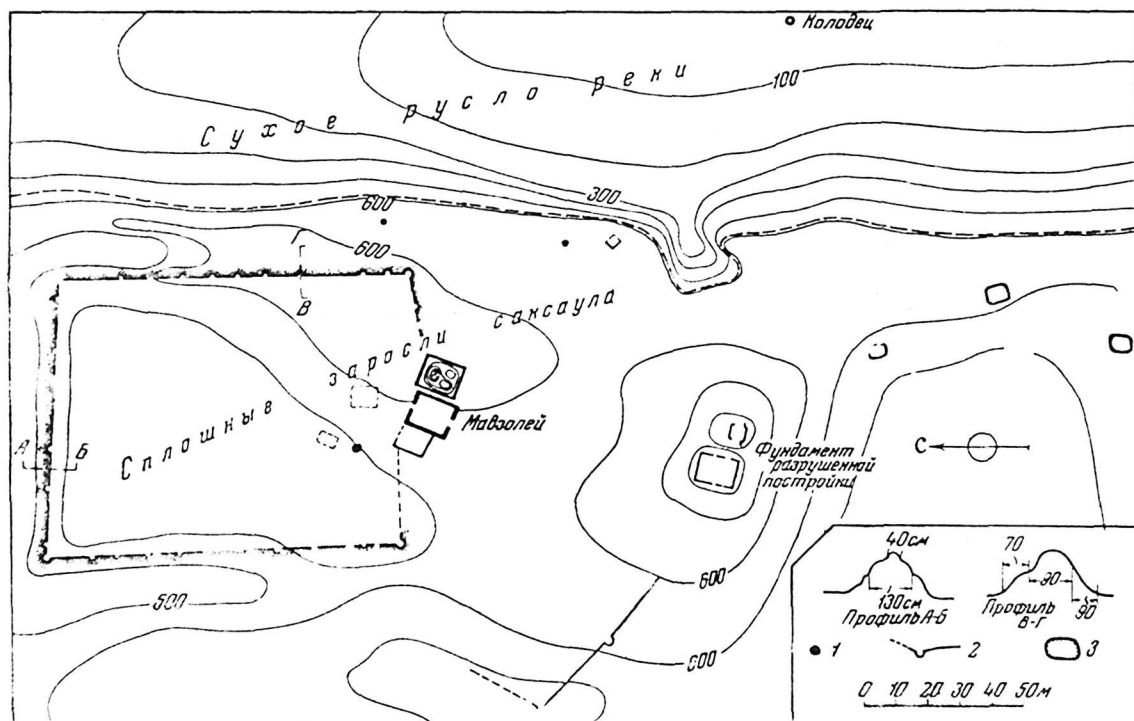

Рис. 12. Сарлы-там. План местности

1 — керамическая печь; 2 — следы планировки; 3 — яма (место стоянки юрты)

Мазар XV — XVI вв. Сарлы-там стоит на берегу Жаны-Дарьи, которая подходит к нему с восточной и северо-восточной стороны (рис. 12). С востока и с запада к мазару примыкают прямоугольные пристройки, сохранившиеся в виде невысоких, до метра, валов. Площадь этих пристроек — 10×13 м. К этому комплексу с севера примыкает территория площадью 110×90 м, окруженная глинобитной стеной, высота которой не превышает полуметра. По периметру стены идут полукруглые башни, расположенные на неравном расстоянии друг от друга. Видимо, эта стена является остатками какого-то более раннего сооружения. На берегу русла, к востоку от мазара, сохранились развалины сооружений из обожженного кирпича, которые, судя по фрагментам найденной на них керамики, синхронны мазару. В 80 м к югу от Сарлы-тама расположен еще один комплекс, состоящий из руин сооружения из пахсы, имеющего в плане форму прямоугольника (12×8 м), и примыкающего к нему здания из жженого кирпича. Зачистка последнего показала, что здесь было сооружение, южная стена которого оформлена в виде граней многоугольника. Намечается и внутренняя планировка. К северо-западу от этого комплекса прослеживаются остатки оборонительной стены с двумя башнями. Наиболее поздними в ком-

¹¹ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 56, 57, рис. 16.

плексе Сарлы-там являются следы обваловки трех каракалпакских юрт, обнаруженные на берегу Жаны-Дарьи, к югу от памятника.

Сам мавзолей Сарлы-там — небольшое здание размером 10×15 м. Оно построено из обожженного кирпича стандарта $24 \times 24 \times 5$ см. В квадратное помещение мавзолея ведут два прохода — в южной и северной стене.

Рис. 13. Сарлы-там. Развалины мазара. Деталь

Центральный вход в южной стене был оформлен почти целиком разрушенным в настоящее время порталом со стрельчатой аркой (рис. 13). Пространство между пилонами портала было перекрыто полукуполом на ячеистых тропях. Помещение мавзолея было перекрыто двойным куполом из обожженного кирпича. Купол покоился на шестнадцатигранном барабане. Переход от четырехугольника помещения к шестнадцатиграннику барабана осуществлен с помощью восьмиугольника, образованного стрельчатыми нишами — тропями на углах помещения и неглубокими (около 15 см) стрельчатыми нишами в плоскости стен (рис. 14). В барабане сохранились остатки окон (по одному над каждой стеной мавзолея), перекрытых нависающими рядами кирпичей. Форму купола по сохранившимся фрагментам определить нельзя. Пилоны портала облицованы специальным облицовочным кирпичом клиновидной формы очень хорошего качества. По сохранившимся фрагментам можно определить, что по portalу шла, по всей видимости, майоликовая орнаментальная полоса. В настоящее время майолики совсем нет, остался лишь раствор в углублении, где она помеща-

лась, и часть декальных кирпичей, обрамлявших полосу. Арка портала сложена из чередующихся простых облицовочных кирпичей и кирпичей с гранью, покрытой бирюзовой поливой. Фрагменты бирюзовых плиток сохранились и в тропях между пилонами портала.

В бассейне Жаны-Дарьи проводил также работы археолого-топографический отряд экспедиции (начальник Б. В. Андрианов).

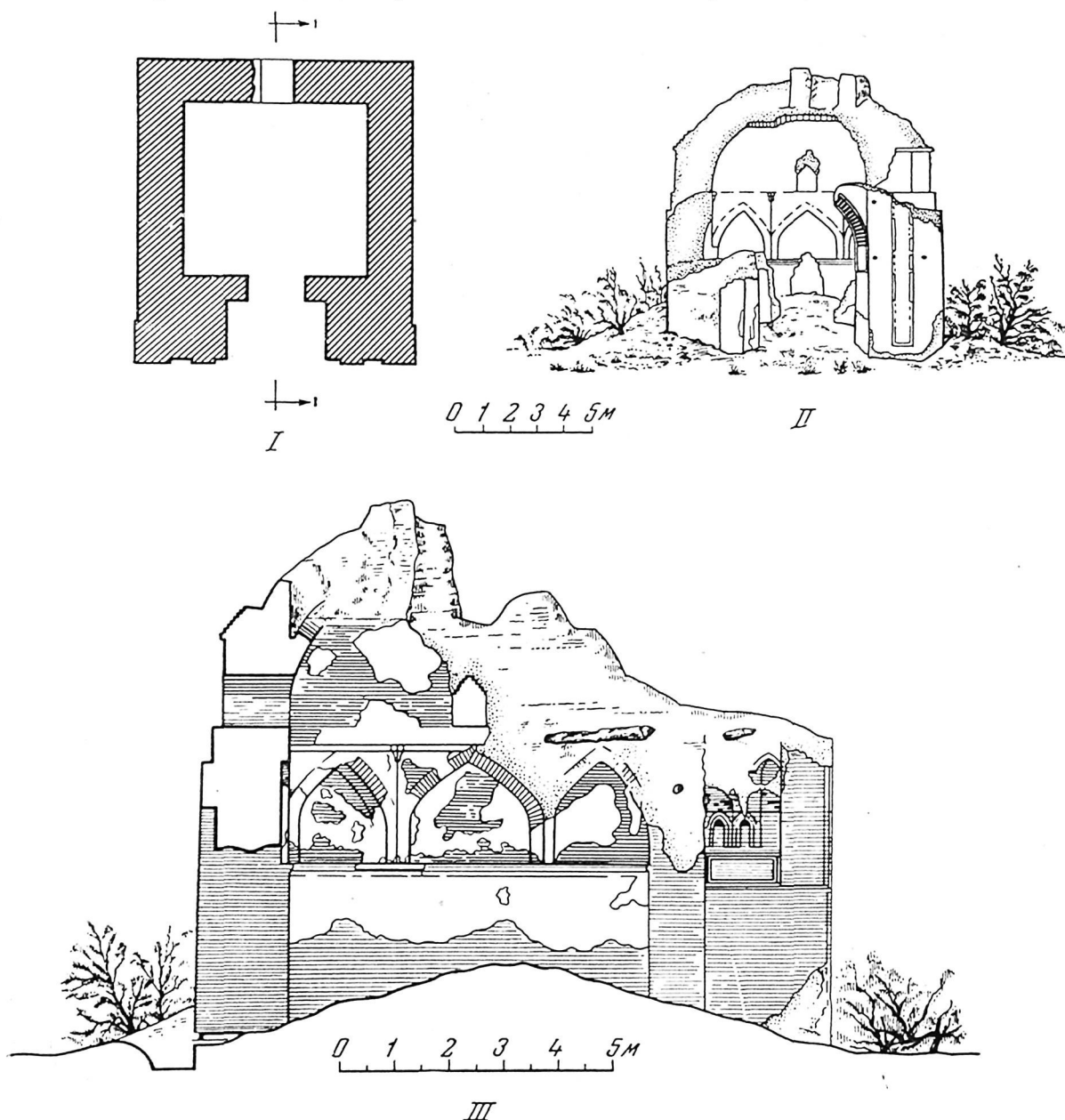

Рис. 14. Сарлы-там

I — план; II — фасад; III — разрез по 1—1

Основная задача этого отряда — исследование истории ирригации методом сопоставления данных аэрофотосъемки с детальным археологическим обследованием сохранившихся в пустынях, на землях древнего орошения сухих русел, следов пересохших каналов и расположенных близ них остатков сельских поселений. В 1957 г. на Жаны-Дарье археолого-топографический отряд занимался изучением остатков каракалпакской ирригации. В XVIII и начале XIX в., когда эта река была обводнена, здесь находился большой земледельческий район, населенный каракалпаками. До сих пор сохранились густая сеть каналов и остатки селений, мазаров, кре-

постей, а также укрепленных усадеб крупных каракалпакских феодалов, управлявших местным населением. Исследование покинутых каракалпакских поселений на Жаны-Дарье дает ценный материал для восстановления истории хозяйственно-бытового уклада этого народа накануне его завоевания Хивинским ханством. Задачей отряда было также составление подробнейших крупномасштабных археологических карт, на которые должны быть нанесены все памятники этого района северных Кызыл-Кумов.

VI

В результате изучения различных памятников нижнего междуречья Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи в 1946—1948 гг. и в последующие годы экспедиции удалось установить, что территория, на которой расположены развалины Чирик-рабат и Бабиш-мулла в древности была заселена племенами, известными в письменных источниках под именем апасиаков или «водных саков»¹². Центром расселения этих племен был Чирик-рабат — городище в пустыне Кызыл-Кум, расположенное на Жаны-Дарье, в 200 км юго-западнее г. Кызыл-Орда.

Памятник был открыт Хорезмской экспедицией в 1946 г., тогда же был снят план городища, собран подъемный материал, проведена шурфовка. Изучение полученных материалов позволило отнести возникновение памятника к середине I тысячелетия до н. э.¹³

Во время разведочных маршрутов в 1948 и 1949 гг. памятник был вновь обследован.

В 1957 г. на городище были начаты стационарные раскопки под общим руководством С. П. Толстова (начальник отряда Ю. А. Рапопорт)¹⁴.

Памятник расположен на естественной возвышенности, высота которой достигает 15 м. План городища соответствует овальным очертаниям холма, длина которого равна 850 м, ширина примерно 600 м (рис. 15).

На площади Чирик-рабата прослеживаются следы нескольких, иногда разновременных поясов укреплений. Это позволяет определить площадь поселений, существовавших здесь в различные исторические периоды.

Наибольший размер — 47 га — имеет самое раннее городище, овальное в плане, окруженное двойным поясом укреплений.

Вероятно, к тому же времени относится укрепление площадью 12,4 га, расположенное в центральной части памятника. Его можно рассматривать как цитадель древнего городища. На территории цитадели находится прямоугольная небольшая крепость площадью 1,2 га (128×94 м), видимо, более поздняя, чем цитадель.

Южную половину площади древнего городища отсекает стена более позднего поселения, укрепления которого сохранились всего полнее. Территория этого городища составляет 22 га.

¹² С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1948 года. «Изв. АН СССР. Серия истории и философии», 1949, т. VI, № 3, стр. 254; е го ж е. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР в 1949 году. «Изв. АН СССР. Серия истории и философии». 1950, т. VII, № 6, стр. 521—522; е го ж е. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР (1945—1948 гг.). «Труды ХЭ», т. 1, стр. 12; е го ж е. Огузы, печенеги, море Даукара. СЭ, 1950, № 4, стр. 51, 52 и карта; е го ж е. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. «Труды ХЭ» т. II. М., 1958, стр. 235; е го ж е. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг., СЭ, 1958, № 1, стр. 109—110.

¹³ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР в 1946 г. «Изв. АН СССР. Серия истории и философии», 1947, т. IV, № 2, стр. 180; е го ж е. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 98, 99.

¹⁴ Работы велись с 5 по 28 октября отрядом, в состав которого входили 22 научных и научно-технических сотрудника и до 23 человек рабочих-землекопов.

Кроме того, на территории памятника было обнаружено шесть курганов, четыре из которых находились в пределах древней цитадели.

В 1957 г. было заложено пять основных раскопов и произведены зачистки и шурфовки еще на нескольких участках памятника.

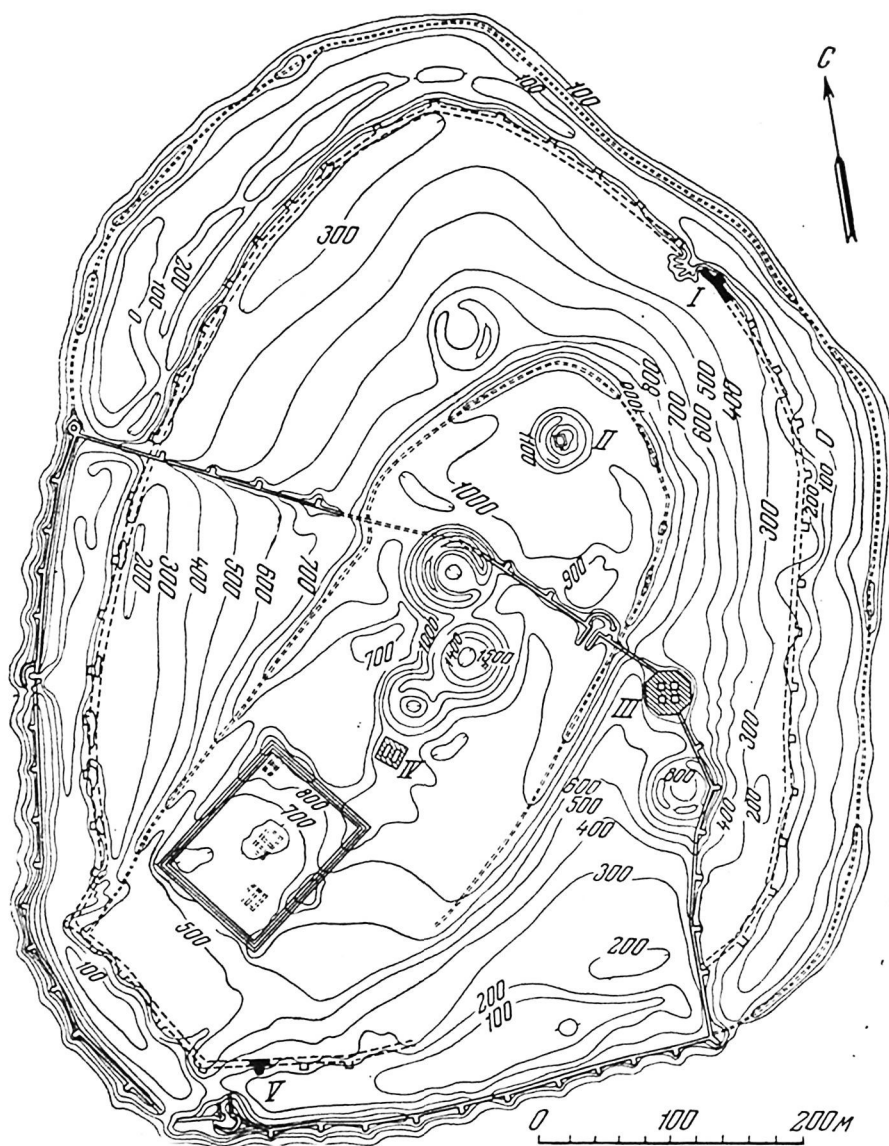

Рис. 15. Городище Чирик-рабат. Общий план

I, II, III, IV, V — номера раскопов

Раскопы были заложены в следующих местах: в северной части древней стены; на одном из курганов; на круглом погребальном сооружении, входящем в систему более поздней стены; на прямоугольном погребальном здании в центре древней цитадели; в южной части древней цитадели. Все эти раскопки, хотя они были небольшими по масштабу, дали возможность прежде всего уточнить датировку памятника. Время его существования сравнительно непродолжительно: с V в. до н.э. по II в. до н.э. Вторично небольшая площадь в южной части городища была на короткое время освоена в XII — начале XIII в. Городище было окружено рвом, ширина которого достигает 40 м, а глубина, как показала траншея, заложенная поперек рва, — 4,5 м (от основания крепостных стен). Укрепления внешних стен крепости были исследованы в северо-восточной части городища (раскоп № 1). Внешняя стена крепости (рис. 16), охватывавшая ров,

сильно разрушена. Внутренняя стена, общая толщина которой равна 4,5 м, имела внутри стрелковую галерею шириной 1,8 м. Стена была усилена башнями прямоугольных очертаний со скругленными углами. В одной из башен были произведены раскопки. Ширина ее достигает 6 м. и она

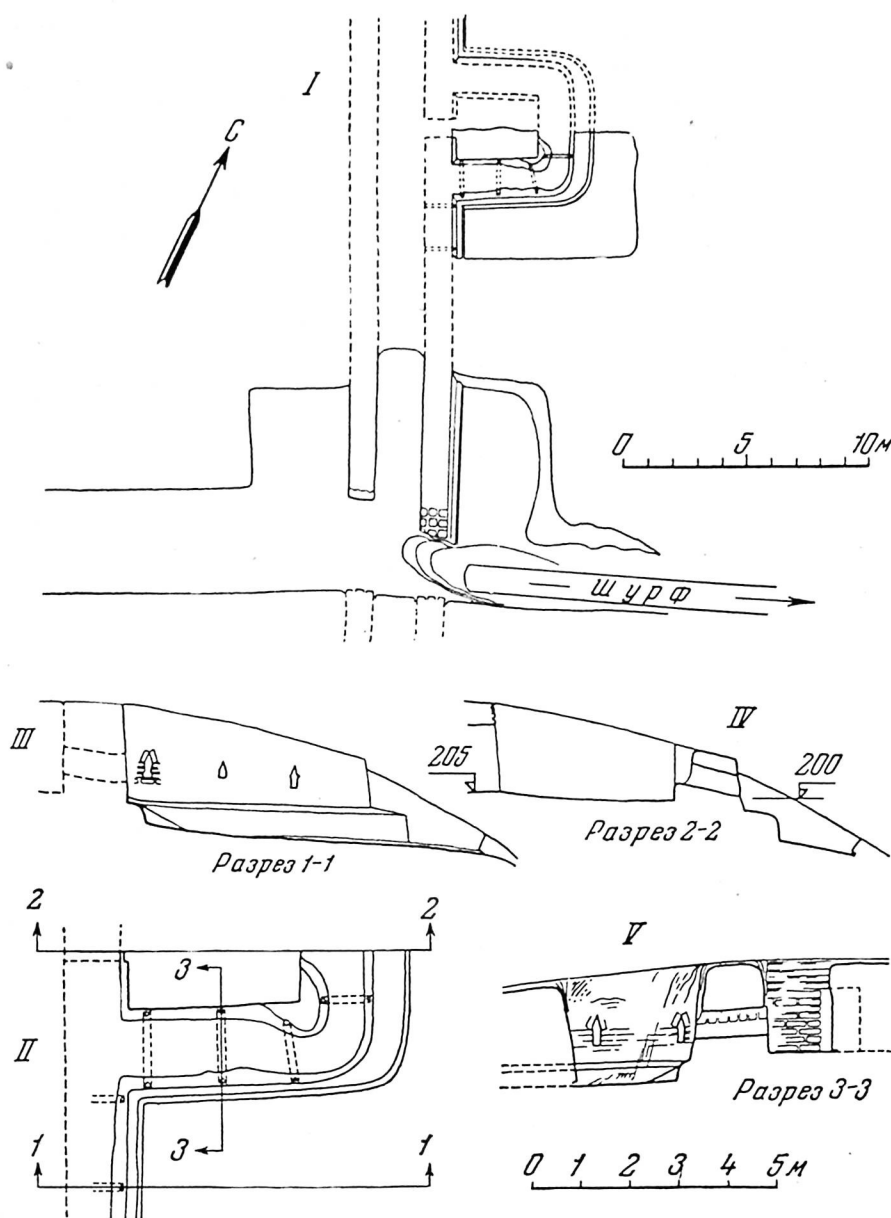

Рис. 16. Чирик-рабат. Раскоп № 1

I — план раскопа; II — план башни; III, IV, V — разрезы через башню

на столько же выступает за линию крепостной стены. Башня, как и крепостная стена, была прорезана стреловидными бойницами (рис. 17). Ее внутренняя прямоугольная камера сообщалась со стрелковой галереей.

Другой участок стены со стрелковой галереей и выступающей башней, от которой сохранилась лишь нижняя часть, раскрыт на юге городища (раскоп № 5). Стреловидные бойницы сохранились лишь в основании.

По-видимому, самой древней группой памятников этого комплекса являются курганы. Были произведены раскопки одного из курганов, расположенного на площади древней цитадели в северо-восточной ее части (раскоп № 2). Насыпь кургана имеет округлые очертания, диаметр ее —

около 60 м, высота достигает 3,5 м над уровнем окружающей поверхности. В центре кургана — запыленная воронка диаметром около 30 м. Таким образом еще до начала раскопок было ясно, что курган (так же, как и все остальные курганы городища) подвергся разграблению.

Рис. 17. Чирик-рабат. Раскоп № 1. Башня с бойницами

Удалось обнаружить погребальную камеру и раскрыть, примерно, половину ее площади. Она была вырыта в материковом грунте и имела глубину 2,5 м. В плане камера квадратная, длина сторон около 7,5 м; таким образом, площадь погребального помещения достигала 56,25 м². Песчаные стены камеры были покрыты глиняной сероватой обмазкой, имеющей толщину около одного сантиметра; более тонким слоем глины покрыто дно, так же лежащее в слое плотного песка, включающего известковые отложения. В центре южной стены обнаружен проход шириной около 0,90 м. Пол его, обмазанный глиной, лежит на 0,40 м выше дна камеры. Покрывают обмазкой и стены. Проход раскрыт на протяжении 1,5 м. Дно пола его идет горизонтально. Возможно, это дромос¹⁵.

В погребальной камере не найдено какой-либо вымостки или ямы, которые могли бы быть определены, как место непосредственного погребения. На полу камеры никаких находок не сделано. В завале было обнаружено некоторое количество костей животных, несколько фрагментов керамики и два кварцитовых отщепов. Следует отметить также находку бронзового трехперого втульчатого наконечника стрелы (рис. 18, 2) и поделки из золота. Последняя имеет форму полуцилиндра из листового металла с выбитым на шаблоне диагональным рифлением (рис. 18, 4). По краям пробиты дырочки для гвоздиков, которые также были золотыми. Таким обра-

¹⁵ Раскопки 1958 г. показали, что это действительно дромос длиной около 15 м, завершающийся 4-мя ступенями, выводящими на поверхность.

Раскопки дромоса позволили также уточнить и историю кургана в целом, сильно запутанную наличием большой грабительской воронки. Стало также очевидно, что после того как умерший был положен в камере, последняя, равно как и дромос, была засыпана, а затем и застлана слоем камыша, поверх которого был насыпан курган.

зом, изделие служило обкладкой какого-то цилиндрического деревянного предмета, возможно, рукояти меча.

Курганы этого типа были обнаружены в целом ряде других пунктов: в окрестностях Чирик-рабата — на возвышенности Ак-кыр, на возвышенности Беш-там, но все они носят следы ограбления.

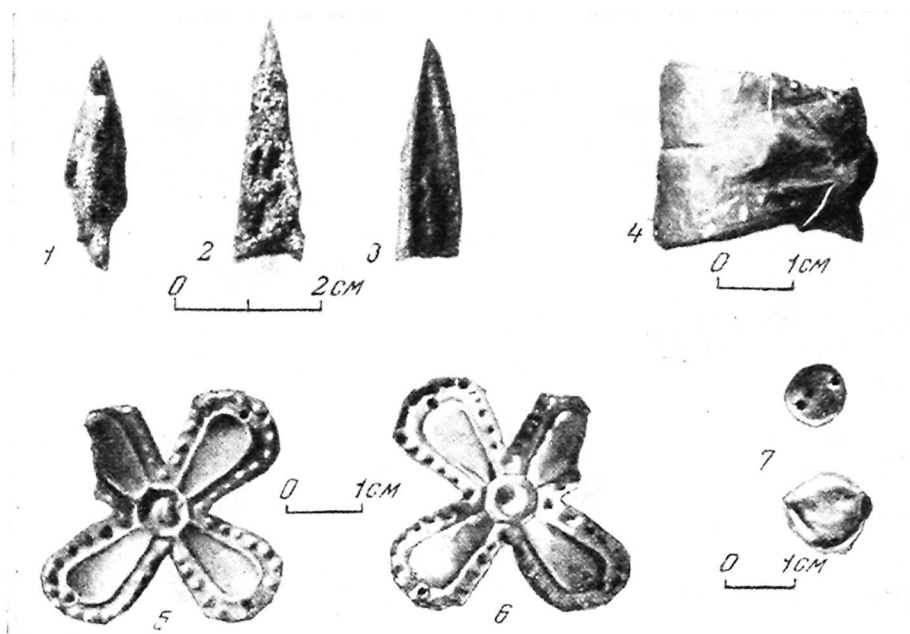

Рис. 18. Чирик-рабат. Вещи из раскопок № 2, 3 и 5

1 — 3 — бронзовые наконечники стрел; 4 — поделка из листового золота; 5 — 6 — золотая нашивная бляшка (лицевая и оборотная стороны); 7 — золотые нашивные бляшки без орнамента

Другим объектом для раскопок были избраны развалины погребального здания, расположенного в восточной части городища, в системе поздней оборонительной стены (раскоп № 3).

Здание представляет собой сильно оплывшее сооружение из сырцового кирпича, возвышающееся на 7,5 м над окружающей поверхностью; размеры его 32×32 м (рис. 19). Здание производит впечатление круглого в плане. Как показала зачистка в северо-восточной части сооружения, кладка идет здесь под углом 45° к кладке северной стены. Сырцовый кирпич определенного стандарта не имеет, встречается как прямоугольный, размером $46/47 \times 26/27 \times 9$, так и приближающийся к квадратному, размером $40/42 \times 36/38 \times 9$ см.

Внутри здание делится двумя мощными идущими крест накрест стенами толщиной около 2 м на четыре равных квадратных помещения размером 6×6 м (рис. 20). Раскопана западная половина северо-восточного помещения (помещение № 1). Пол помещения расположен почти на уровне окружающей поверхности.

Великолепно сохранилась равномерно прокаленная докрасна обмазка на западной и южной стенах. Обмазка многослойная и имеет общую толщину 0,12—0,16 м. Она накладывалась на каркас из вертикальных жердей диаметром 0,9—0,10 м, расположенных на расстоянии 0,25—0,30 м друг от друга. На северной стене эта конструкция обнажена, сохранились отверстия, где обнаружены угли и зола от сгоревших жердей, а в одном из них — остатки дерева (рис. 21 и 22, 1). Возможно, что с этой конструкцией

связаны и расположенные по углам полуколонны, каждая радиусом около 0,40 м, сложенные из естественных известковых и железистых конкреций и покрытые обмазкой (рис. 22, 2). Вдоль западной стены помещения шла суфа шириной 1,50 м и высотой 0,40 м, сложенная из сырцового кирпича и покрытая обмазкой; поверхность суфы обожжена.

Рис. 19. Чирик-рабат. Раскоп № 3. Погребальное сооружение.
Общий вид

Вдоль северной стены помещения также была суфа. К сожалению, суфа очень сильно повреждена. На ней вдоль северной стены располагалась еще какая-то, ныне совершенно разрушенная, конструкция из сырцового кирпича, большого количества крупных, естественного происхождения конкреций и обмазки.

Вход в помещение был в южной стене.

Вдоль стены прохода шли деревянные столбы, скрытые под мощным слоем обмазки. Ширина прохода — 1,45 м.

Раскопки дали немногочисленные, но очень интересные находки. В завале, на высоте около 0,5 м от уровня суфы, была найдена миниатюрная бронзовая ложечка, по-видимому, туалетного назначения; на ступеньках суфы — несколько фрагментов железной прямоугольной пластинки, возможно, от пряжки. На суфе найдена круглая золотая бляшка, на полу у восточного угла прохода — вторая круглая золотая бляшка, более миниатюрных размеров, с 2 отверстиями для нашивки (см. рис. 18, 7). В яме в северо-западном углу помещения, в завале из прокаленного кирпича и обмазки, найдена великолепная крупная золотая чеканная нашивная бляшка в виде четырехлепестковой розетки с отверстиями для нашивки (см. рис. 18, 5, 6). Лепестки по краю оформлены валиком и ложной зернью. В той же яме обнаружена железная пластинка с одним закругленным концом, может быть, чешуйка панциря, и несколько фрагментов таких же пластинок.

В яме в юго-западном углу, в завале кирпичей суфы, найден миниатюрный бронзовый трехгранный втульчатый наконечник стрелы скифского

типа с кусочком обуглившегося древка во втулке (рис. 18, 1). Здесь же обнаружены два плохо сохранившихся железных изделия, очевидно, кинжал и нож.

Вместе с этими вещами найдены куски обуглившейся черной шерстяной ткани и фрагмент перламутровой раковины. На суфе, на краю пролома,

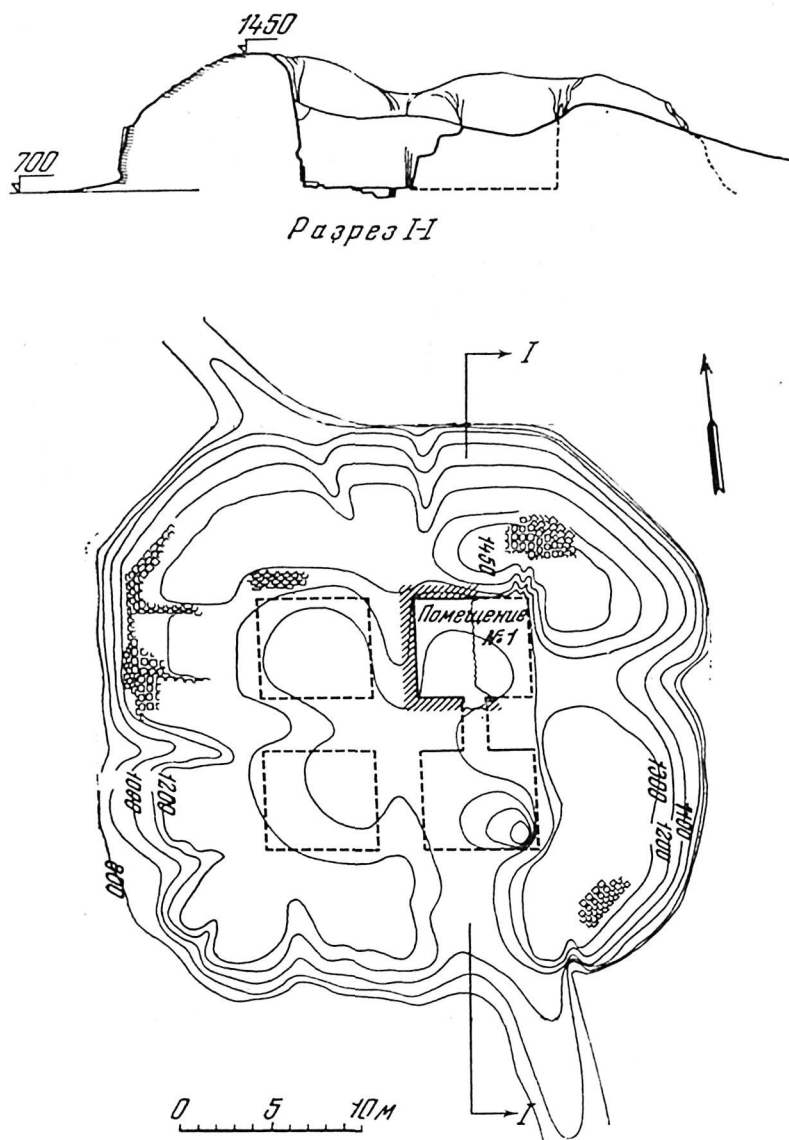

Рис. 20. Чирик-рабат. Раскоп № 3. Погребальное сооружение. План и разрез

обнаружены в золе мелкие осколки сильно кальцинированных костей, такие же фрагменты встречены при расчистке ступеней.

Ямы, пробитые в суфах и полу, заставляют предполагать, что здесь побывали грабители, а разбросанные по комнате мелкие золотые предметы и детали вооружения — видимо, результаты их деятельности¹⁶.

¹⁶ Раскопки 1958/59 гг. показали, что здание было действительно круглым в плане и являлось погребальным сооружением, содержащим трупосожжения. Раскопаны все четыре камеры. Среди находок особый интерес представляют фрагменты и отдельные спаявшиеся части чешуйчатого железного доспеха — апаснакского катафрактария.

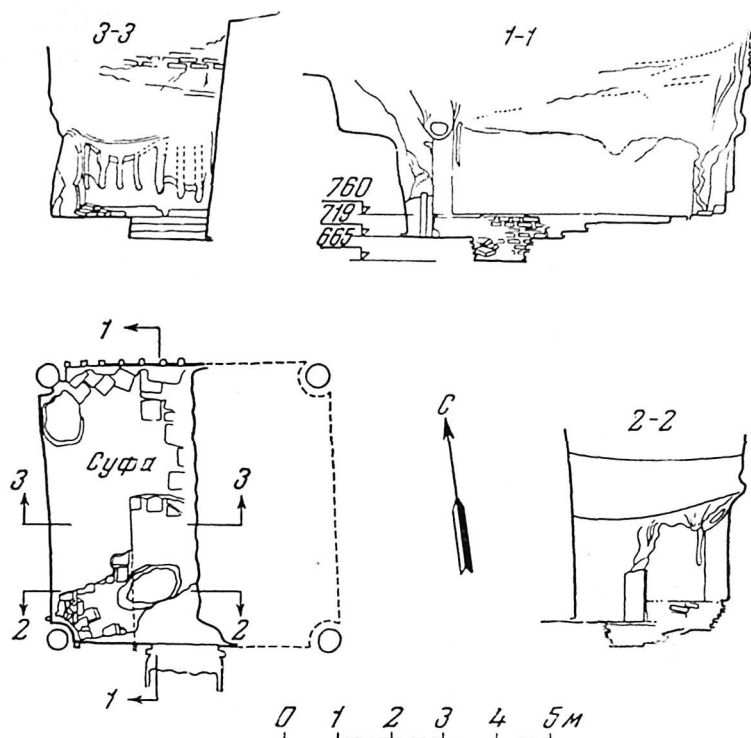

Рис. 21. Чирик-рабат. Раскоп № 3. План и фасады стен помещения № 1.

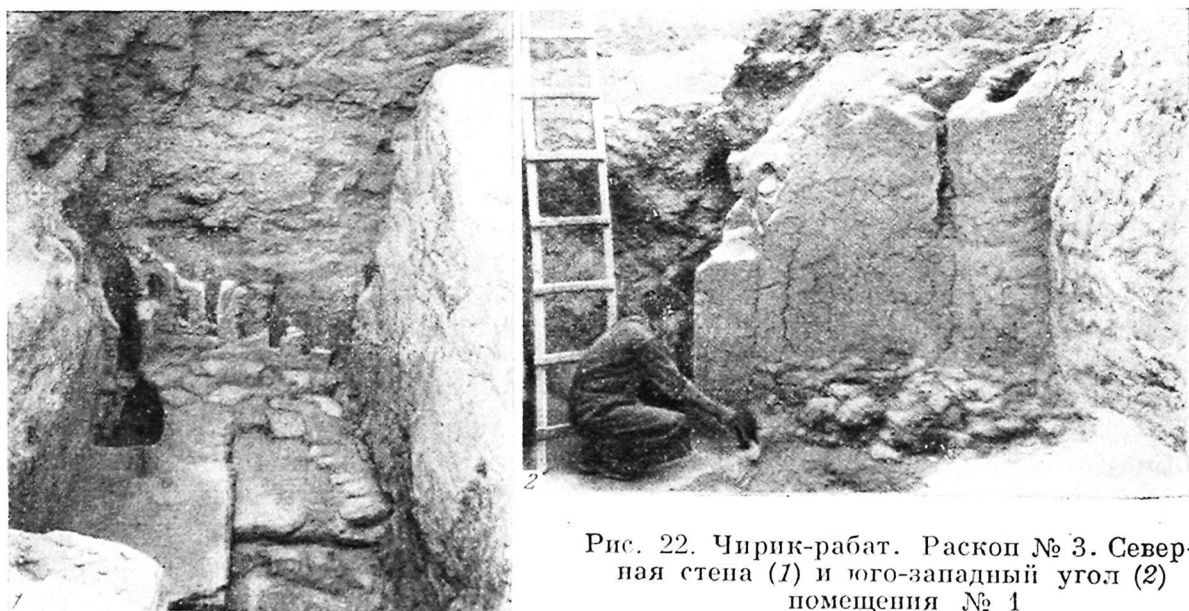

Рис. 22. Чирик-рабат. Раскоп № 3. Северная стена (1) и юго-западный угол (2) помещения № 1

Раскопки отдельно стоящего квадратного дома, находящегося на территории древней цитадели, к юго-западу от курганов (раскоп № 4), показали, что перед нами погребальное сооружение (рис. 23). Расчистке было подвергнуто одно из двух помещений — северо-западное. Длина вскрытой

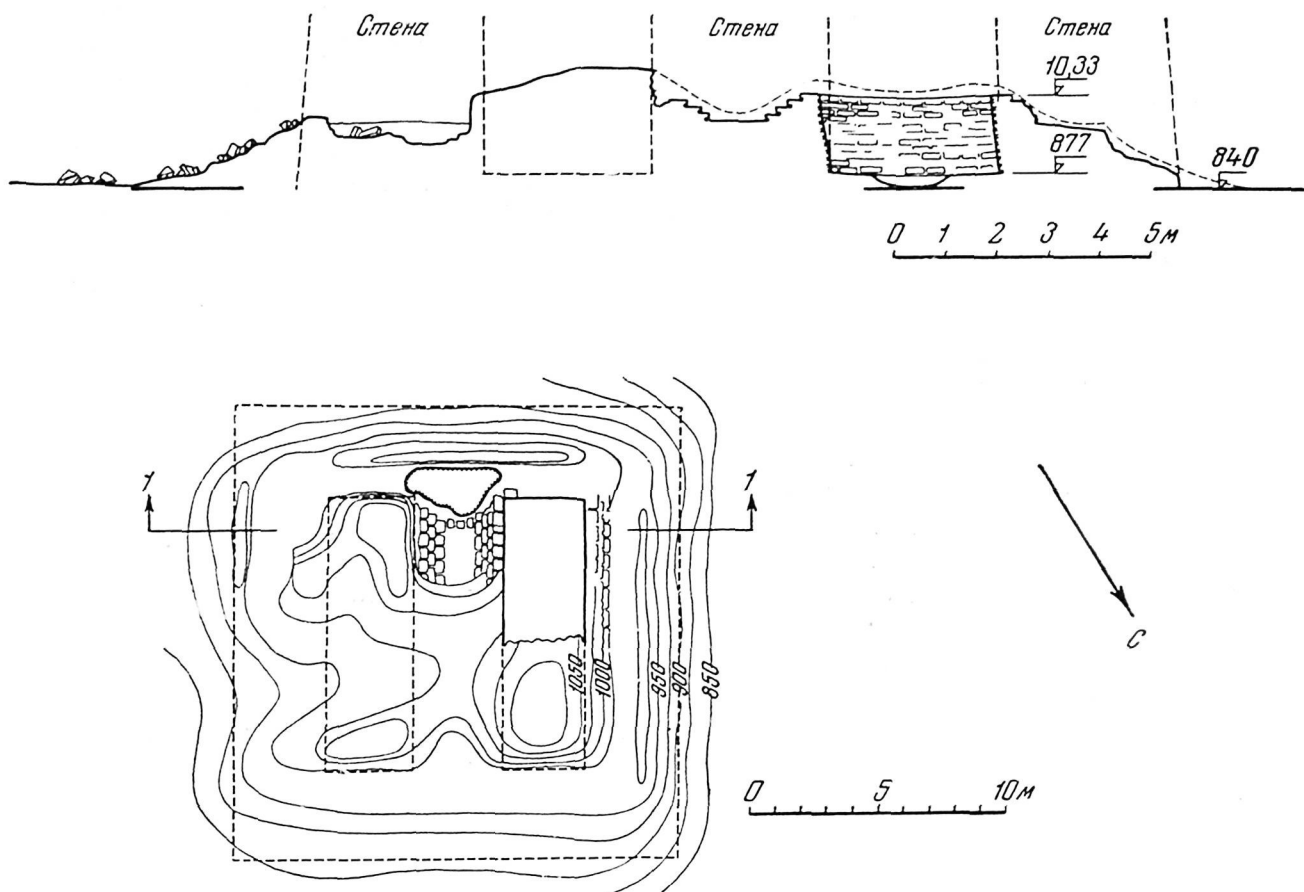

Рис. 23. Чирик-рабат. Погребальное сооружение. Раскоп № 4.
План и разрез сооружения

части помещения — 5,50—5,70 м. На глубине 1,5—1,6 м от высоты сохранившихся стен расчищен пол со следами плохо сохранившейся обмазки. Под ним обнаружена кирпичная вымостка, в центре которой до материка вырыта яма ($3,87 \times 2,16$ м). В яме, а также в слое намывов (толщина 0,15—0,20 м) над ямой найдено большое количество беспорядочно лежащих человеческих костей. Множество костей найдено также у северо-западной стены помещения и над ямой. Видимо, и это погребение было разграблено. Среди костей обнаружено три черепа, сохранившихся неполностью, четыре нижних челюсти, кости таза, крестца, лопаток, верхних и нижних конечностей. Один из черепов (из ямы) принадлежал старой женщине. Кроме этой черепной крышки, из намывов над ямой извлечены фрагменты очень плохо сохранившихся черепов не менее чем трех взрослых людей. Этот краниологический материал, так же как и черепа из Бабиш-муллы (см. ниже), с наибольшей вероятностью, может быть сближен с саками и усунями Киргизии¹⁷.

Встречаются также кости животных, но их меньше. Найдено небольшое количество фрагментов античной ремесленной керамики (чашечки,

¹⁷ Определение черепов произведено Т. А. Трофимовой

кувшин). Внутри ямы, в материке, сделано углубление яйцевидной формы ($1,62 \times 1,54$). Костей в нем мало. На дно ямы была положена часть туши быка, о чем свидетельствуют найденные здесь ребра, лежащие в анатомическом порядке.

В южной части городища шурфом был вскрыт участок жилой застройки, примыкающий с внутренней стороны к оборонительной стене (раскоп № 5; рис. 24). Здесь обнаружен культурный слой толщиной свыше 2 м, при зачистке которого выявлены три строительных периода и шесть полов (рис. 24а). Тонкий культурный слой шестого пола, лежащего на материке, дал небольшое количество костей животных и лишь несколько фрагментов керамики, главным образом лепной. Мягкие, слоистые по структуре, с многочисленными следами горения, культурные слои пятого и четвертого полов дали большое количество костей животных и керамики. Промежуточное положение между нижним (шестой — четвертый полы) и верхним (первый и второй полы) строительными периодами занимает третий пол, на котором найден бронзовый трехперый наконечник стрелы со скрытой втулкой (рис. 18, 3).

В верхнем строительном периоде, над внешней стеной стрелковой галереи (нижнего строительного периода) была возведена новая стена, к которой примыкали помещения со вторым и первым полами. Найденная здесь керамика продолжает традиции более древней керамики из нижнего строительного горизонта. Здесь также много лепных сосудов, однако заметно возрастает процент керамики, сделанной на круге, более разнообразными становятся ее формы. В культурном слое на втором полу найдены обломки железного четырехгранного шила и ножа.

Все указанные слои перекрывал очень тонкий и бедный средневековый слой, не давший никаких остатков сооружений и сколько-нибудь значительных находок.

Керамика, найденная при раскопках городища, представлена фрагментами ремесленной посуды, сформованной на гончарном круге, и обломками сосудов ручной лепки. По формам и выработке сосуды каждой из этих двух групп, происходящие из разных раскопов и из различных строительных горизонтов шурфа № 5, настолько однородны, что целиком могут датироваться одним сравнительно коротким историческим периодом.

По раскопкам керамика распределяется неравномерно, что определяется не только площадью, но и характером исследуемых объектов. Наибольшее количество фрагментов собрано в раскопе № 5, где вскрыты слои жилых помещений, примыкавших к крепостной стене. На втором месте — раскоп № 1. Помещений там пока не обнаружено, но сравнительно мощный золистый слой, вскрытый у внутренней стороны крепостной стены, содержал довольно много костей животных и обломков посуды. Меньше всего керамики собрано при исследовании погребальных сооружений (раскопы № 2, 3 и 4), причем она оказалась в основном ремесленной выработки и была представлена обломками кувшинов (рис. 25, 1, 3—8, 11) и красноангобированных чаш (рис. 25, 2, 9).

Различно и соотношение между количеством фрагментов лепной и ремесленной посуды. В целом на городище численно преобладают сосуды ручной выработки. Однако в раскопе № 1 и в верхних горизонтах раскопа № 5 (полы первый—третий) керамики ремесленного производства в 2—1,5 раза больше, чем лепной; напротив, в нижних слоях (полы четвертый и пятый) число фрагментов лепных сосудов настолько увеличивается, что в результате процент ремесленных сосудов к общему количеству собранной керамики оказывается меньшим (42,5%).

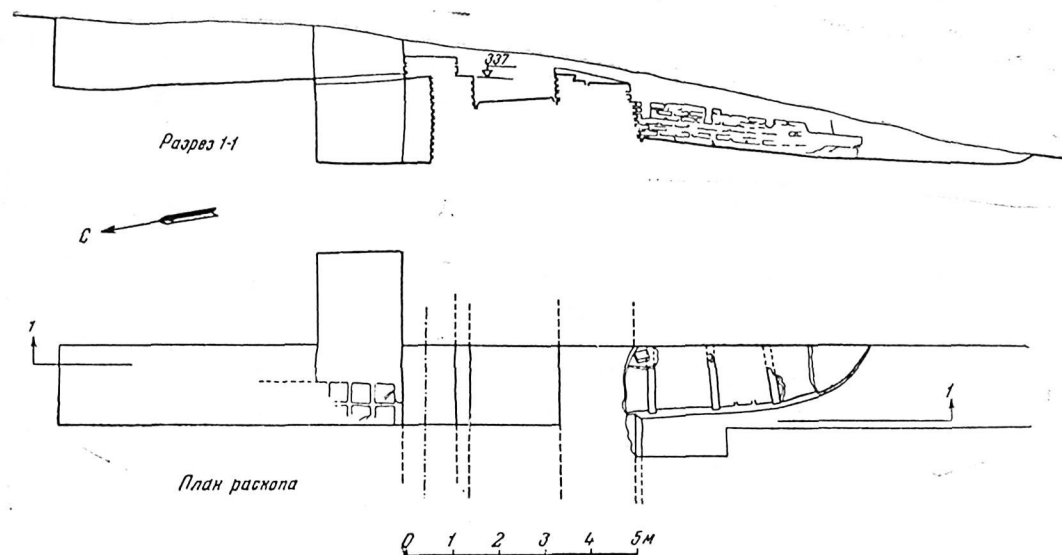

Рис. 24. Чирик-рабат. Раскоп № 5. План и разрез архитектурных конструкций.

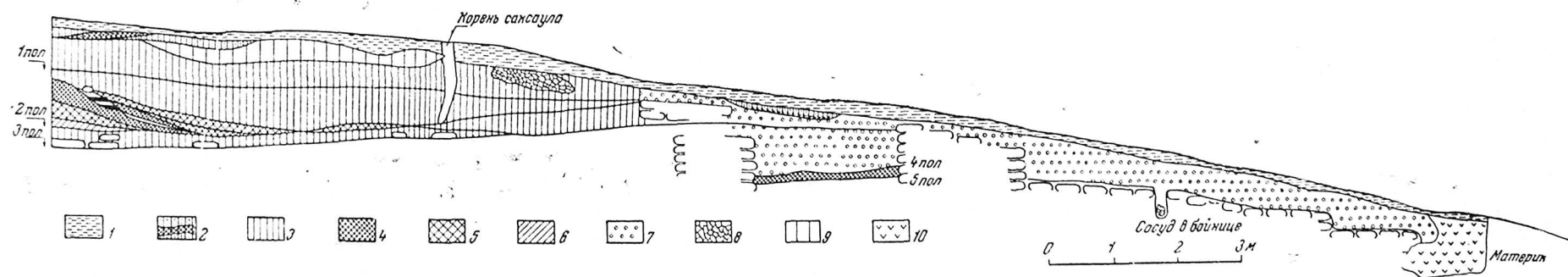

Рис. 24а. Чирик-рабат. Раскоп № 5. Стратиграфический разрез

1 — поверхностные слоистые намывы, серая супесь; 2 — средневековый культурный слой с кострищем; 3 — рыхлый, слоистый по структуре слой с редкими вкраплениями углей и золы; 4 — темный углисто-золистый слой; 5 — серый золистый слой; 6 — культурный слой с сильными вкраплениями золы, пепла и мелкодробленых сырцовых кирпичей; 7 — плотный глинистый завал с обломками кирпичей и крупными вкраплениями желтого песка; 8 — плотный кирпичный завал; 9 — плотный комковато-пористый по структуре завал с сильной примесью замойки кирпичной массы; 10 — желтый песок

Ремесленная керамика изготовлена из хорошо промешанной (а для сосудов лучшего качества и отмученной) глины, с добавлением в качестве отощающей примеси белого вещества и небольшого количества песка и шамота; в глине крупных сосудов белое вещество находится в виде небольших

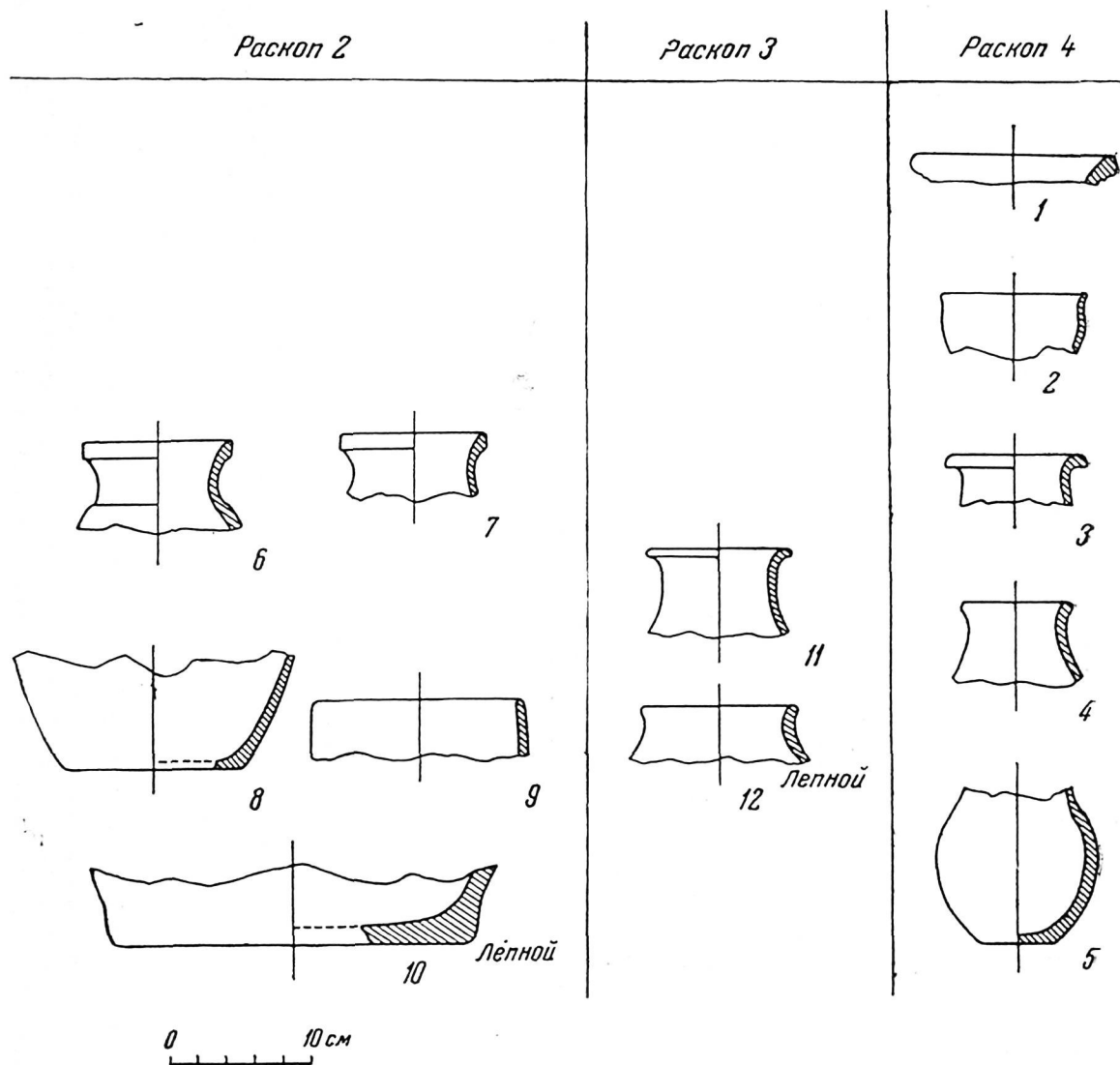

Рис. 25. Чирик-рабат. Керамика из раскопов № 2, 3, 4

комочков и крупинок, а в глине мелких — истертое в порошок. Формовалась посуда на гончарном круге, причем для больших сосудов применялась подставка; низ часто обстругивался ножом. Обжиг производился в специальных печах; черепок при обжиге получал обычно красноватый тон различных оттенков — от яркого красно-кирпичного до тусклого серовато-песочного; сероглиняных сосудов очень мало. Большинство сосудов снаружи покрыто красным ангобом, обычно жидким, неровно положенным; светло-ангобированных или неокрашенных фрагментов сравнительно немного. Встречаются обломки стенок с ленточной росписью красной краской по светлому ангобу.

В целом керамика близка хорезмийской; многие формы находят в Хорезме полные аналогии. Набор форм довольно беден; особенно мало фрагментов столовой посуды. Основные типы сосудов следующие:

Х у м ы — представлены фрагментами стенок и придонных частей, так что форму и размер их установить не удастся. Наружная поверх-

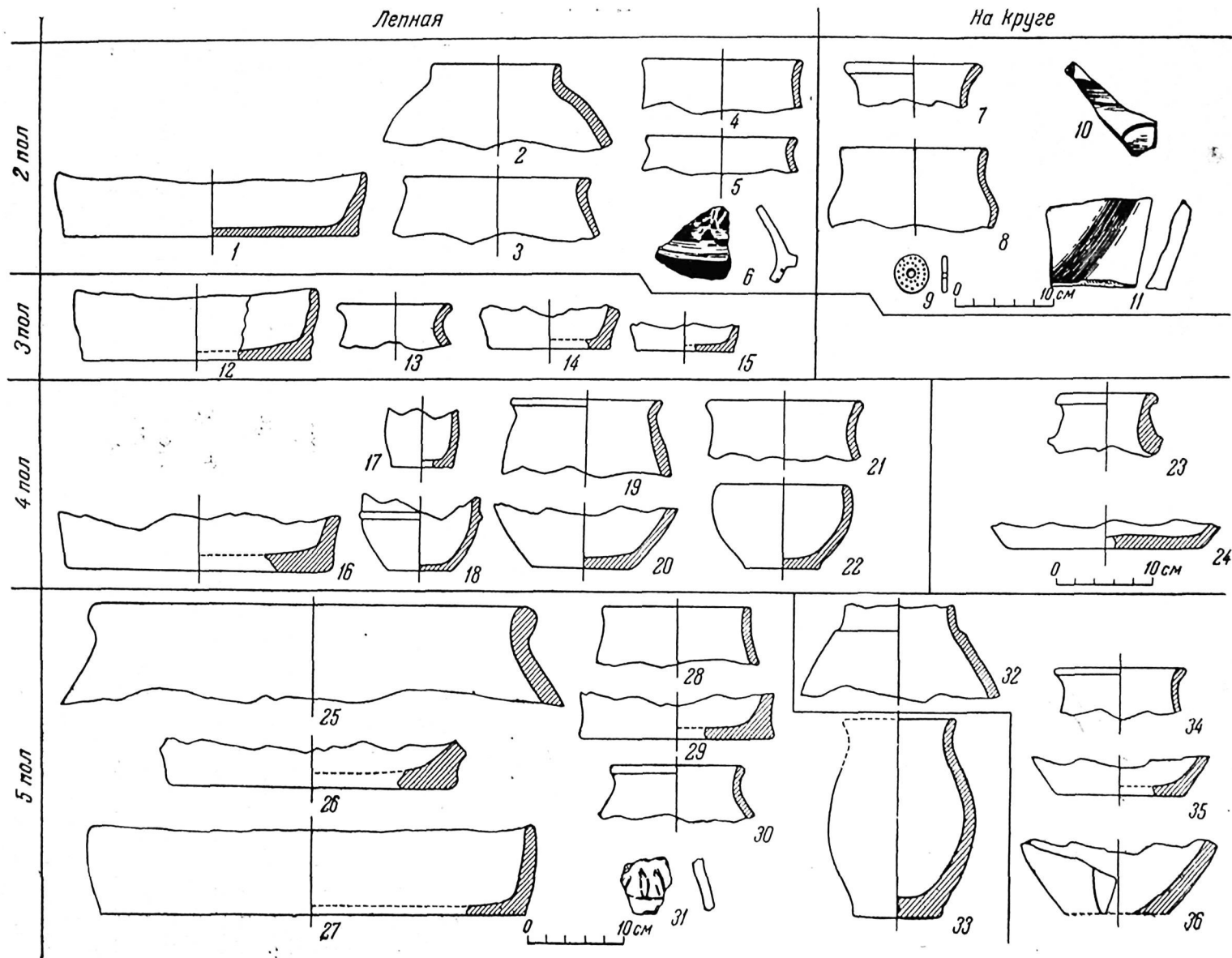

Рис. 26. Чирик-рабат. Керамика из раскопа № 5

ность покрывалась жидким красным ангобом или расписывалась красной краской по светлому ангобу (рис. 26, 11). Фрагменты хумов в основном найдены в верхних напластованиях раскопа № 5 (полы первый — третий); в нижних (полы четвертый — пятый) их почти нет.

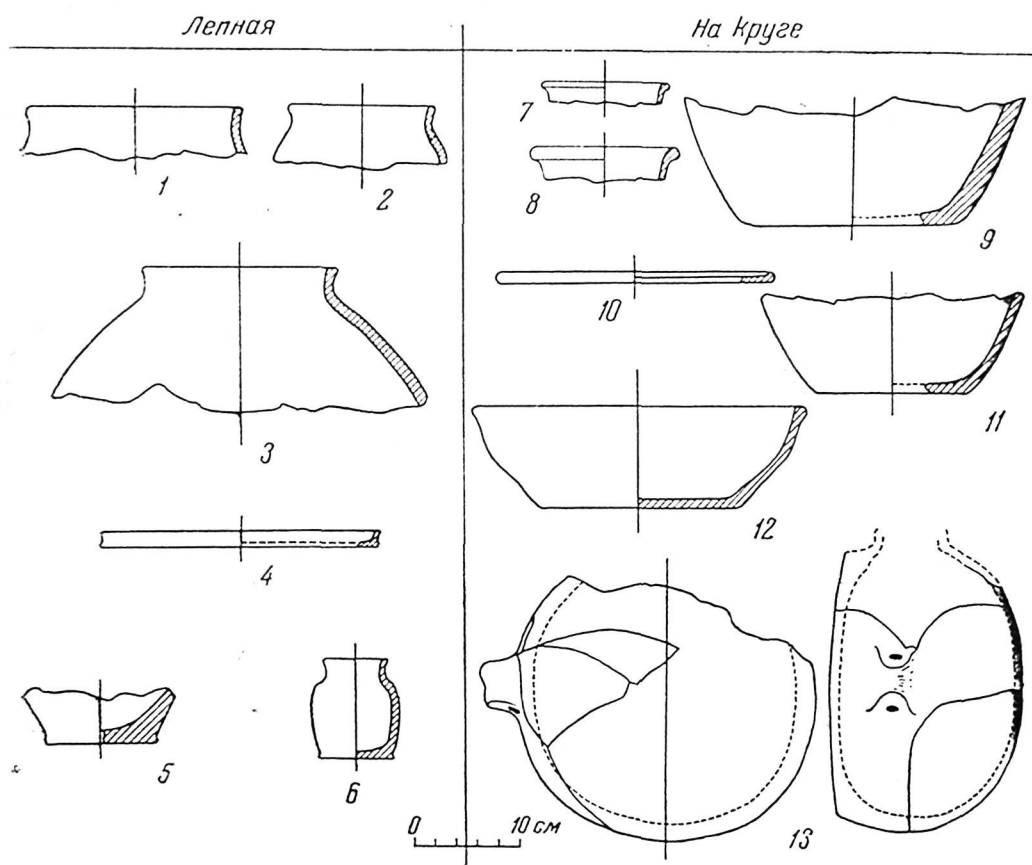

Рис. 27. Чирик-рабат. Керамика из раскопа № 1

Хумчи. Найдены лишь стенки и доньшки, которые по аналогии с керамикой Хорезма можно считать принадлежавшими хумчам (рис. 26, 24). Фрагменты хумчей встречаются на всех полах раскопа № 5.

Кувшины по форме, насколько об этом можно судить по имеющимся фрагментам, видимо, мало отличались друг от друга. Преобладают сосуды с туловом грушевидной формы, довольно широким низким горлом, широким плоским дном. Ручек у большинства сосудов, вероятно, не было, поскольку пока они не найдены. В зависимости от назначения сосуда делались различной величины. Довольно много фрагментов больших водоносных кувшинов (диаметр по венчику 14—18 см, диаметр дна 15—20 см). Горловина прямая, в середине с легким изгибом внутрь, венчик округлый, выступающий наружу; у части сосудов был невысокий валик, опоясывающий горловину при переходе к плечикам. Дно плоское, широкое (рис. 27, 8, 9, 11). Наружная поверхность покрывалась светлым ангобом, на который часто наносилась красной краской ленточная роспись.

Сосуды средней величины отличаются от больших в основном менее массивным, но часто сильнее выступающим наружу венчиком. В остальном они, видимо, сходны с более крупными (рис. 25, 11; рис. 26, 7, 34, 35; рис. 27, 7). Наружная поверхность обычно красно-ангобированная, но есть светло-ангобированные и расписные сосуды (рис. 26, 10). На некоторых фрагментах концом ножа нанесены знаки (рис. 26, 36). Небольшие кувшины с относительно широким устьем (диаметр по венчику 8—10 см),

покатыми плечиками и округлым туловом (наибольший диаметр тулова 11—12 см), опирающимся на небольшое донышко (диаметр 5 см), сравнительно редки (рис. 25, 3—5). Венчик — выступающий, округлый (рис. 25, 3) или образованный слегка утолщенным, отогнутым наружу краем (рис. 25, 4). Наружная поверхность красно-ангобированная или без ангоба. Аналогию всем этим кувшинам можно найти среди керамики Хорезма кангюйского времени¹⁸, ближайшую же — на памятниках комплекса Бабиш-мулла.

Интересную группу составляют кувшины с характерным уступом при переходе от горла к плечикам (рис. 25, 6; рис. 26, 32). Один из них найден в кургане № 1 (раскоп № 2), второй — в бойнице крепостной стены вместе с лепным горшком (рис. 26, 33), по форме напоминающим сосуды, распространенные в сарматской керамике IV—III вв. до н. э.

Широкогорлые кувшины с уступом на плечиках в Средней Азии встречаются редко. Среди ремесленной керамики аналогичные сосуды найдены на Бабиш-мулле-1, в Кую-Мазарском могильнике¹⁹ и в Фергане на городище Эйлатан в IV горизонте²⁰. Довольно близкий по форме сосуд, но изготовленный от руки, обнаружен при раскопках Малого дома на городище Алтан-асар в 1949 г., в слое, датированном последними веками до н. э. Вряд ли можно признать приведенную О. В. Обельченко аналогию найденного им в Кую-Мазарском могильнике сосуда с лепным кувшином из погребения № 3 кургана № 1 на Алебастровой горе²¹, так как последний значительно отличается от Кую-Мазарского. Прежде всего нет характерного уступа при переходе от горла к плечикам; вместо него — две прочерченные параллельные линии; кроме того, сама форма сосуда, особенно горла и венчика, иная. Отсюда спорен и вопрос о датировке как сосуда, так и всего погребения II—I вв. до н. э.²²

Один из найденных на Чирик-рабате сосудов с уступом на плечиках обнаружен в погребальной камере кургана № 1 вместе с бронзовым наконечником стрелы типа, распространенного в V—III вв. до н. э. Эта находка и приведенные выше аналогии позволяют датировать сосуды данной группы на Чирик-рабате временем, никак не более поздним, чем начало II в. до н. э., а вернее — более ранним. Этому выводу не противоречит и остальной керамический материал, найденный вместе с данными кувшинами.

М и с к и — довольно редкая находка на городище. Фрагменты, дающие полный профиль, найдены только в раскопе № 1 (рис. 27, 12). Диаметр устья миски 31 см, дна — 19,5 см; высота 9,5 см. Наружная и внутренняя поверхности покрыты красным ангобом. Аналогичная миска найдена в комплексе Бабиш-мулла.

Ч а ш и (рис. 25, 2, 9; рис. 26, 8) представлены фрагментами глубоких сосудов, хорошо известных в керамике Хорезма, начиная с раннекангюйского времени²³. Наружная и внутренняя поверхности покрыты густым красным ангобом. Фрагменты подобных чаш встречаются во всех раскопах, хотя их и немного.

П л о с к и е т а р е л к и и л и б л ю д а — одна из наиболее редких форм среди ремесленной керамики Чирик-рабата (рис. 27, 10). Широкое плоское дно диаметром 25 см переходит в очень низкий бортик, чуть

¹⁸ М. Г. Воробьева, Керамика Хорезма античного периода. «Труды ХЭ», т. IV, М., 1959, стр. 84—139 и табл. между стр. 216—217.

¹⁹ О. В. Обельченко. Кую-Мазарский могильник. «Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР», вып. VIII. Ташкент, 1956, стр. 215, 217, рис. 12.

²⁰ Коллекция ЛОИИМК Фр. II-19.

²¹ Г. Ф. Смирнов. Сарматские погребения Южного Приуралья. КСИИМК, вып. XXII, 1948, стр. 81, рис. 24.

²² О. В. Обельченко. Указ. соч., стр. 225.

²³ М. Г. Воробьева. Указ., соч. таб. между стр., 216—217.

скругленный внутрь. Поверхность с обеих сторон покрыта красным ангобом и залощена. Аналогичное блюдо, но серой глины, найдено в комплексе Бабиш-мулла.

Вьючные баклаги (рис. 27, 13) с довольно низкой горловиной найдены на раскопе № 1 и в нижних напластованиях раскопа № 5 (4 пары). По величине они разные, диаметр тулова колеблется от 26 до 32 см. Плоская сторона без орнамента; выпуклая сторона может быть или гладкой, или украшенной прочерченными концентрическими окружностями. Поверхность красно- или светло-ангобированная. Сосуды подобной формы часто встречаются в Хорезме среди керамики кангюйского времени. Позже форма их несколько меняется.

Керамика ручной лепки изготовлялась из неотмученной, плохо промешанной глины с добавлением большого количества шамота, крупного непросеянного песка и раздробленного до небольших комочков белого вещества, визуальнo сходного с примесью, добавляемой в глину при изготовлении ремесленной посуды. Обычно все три вида примесей встречаются вместе, но бывает, что какая-нибудь из них отсутствует. Обжиг костровый, большею частью достаточный. В изломе цвет черепка обычно серый до черного, реже — коричневый или красновато-желтый. Поверхностный слой или тоже серый или красноватый. Поверхность, видимо, заглаживалась водой, но встречается и жидкий светлый ангоб, розоватый или сероватый. В массе сосуды изготовлены небрежно, но в нижних слоях раскопа № 5 (четвертый и пятый полы) встречаются сосуды лучшего качества, иногда даже со слабым лощением. Лепились сосуды, вероятно, частями, края которых для лучшего скрепления делались волнистыми. При лепке под донышко подсыпался песок или подкладывалась грубая ткань (может быть, тонкая циновка). Форм немного. Наиболее полно лепные сосуды представлены в нижних горизонтах раскопа № 5; найденные на других объектах почти не отличаются от них.

Наиболее распространенная форма лепной керамики — горшки различной величины, служащие основным сосудом для приготовления пищи; среди ремесленной керамики горшков пока не найдено. Но есть и другие лепные сосуды — хумы, хумчи, миски, сковороды.

Хумы — толстостенные (толщина стенки 1—2 см), с округлым валикообразным венчиком диаметром до 45 см, короткой шейкой, покатыми плечиками. Дно массивное, диаметром до 40 см, с выступающим наружу краем (рис. 25, 10; рис. 26, 25, 26). В раскопе № 5 число находимых фрагментов хумов заметно увеличивалось по мере углубления раскопа.

Хумчи встречаются реже, чем хумы. Представлены двумя вариантами формы — с широким устьем (диаметр 20 см), короткой, утолщенной по сравнению со стенками, горловиной, плавно переходящей в покатые плечики (рис. 26, 3; рис. 27, 1), и с более длинной, вертикально направленной горловиной (диаметр 14—17 см), заканчивающейся скругленным, иногда слегка отогнутым наружу краем; тулово сильно раздуто (рис. 26, 2; рис. 27, 3). Дно широкое (диаметр 20 см), массивное, с выступающим наружу краем (рис. 26, 29). Фрагменты хумчей обеих разновидностей встречаются в различных слоях раскопа № 5; найдены они и в раскопе № 1.

Довольно близкую форму хумчей этого типа можно найти среди сосудов ручной лепки Хорезма позднекангюйского периода, но изготовленных уже из глины хорошего качества ремесленниками-гончарами, обжигавшими свои изделия в специальных печах.

Горшки. По форме различаются три разновидности, из которых чаще всего встречаются сосуды с довольно короткой, более или менее отогнутой наружу горловиной, переходящей через низкую шейку и покатые плечики в слегка округлое тулово вытянутых пропорций. Дно сравнительно

но небольшое, массивное, с более или менее выступающим наружу краем. Диаметр устья и дна у больших горшков соответственно 16—18 и 11—13 см (рис. 26, 5, 14; рис. 27, 2); у средних по величине — 11—14 и 9—10 см (рис. 26, 13, 15, 33; рис. 27, 5).

Довольно распространены сосуды также вытянутых пропорций, приближающиеся по форме к баночным, но с длинной, слегка отогнутой наружу горловиной, заканчивающейся простым скругленным или плоским по бережку краем. Величина сосудов различна: диаметр устья больших горшков 20 см (рис. 27, 1), средних — 14—16 см (рис. 25, 12; рис. 26, 4, 28), маленьких — 6 см при диаметре дна 6,5—7 см (рис. 26, 17; рис. 27, 6). В отличие от больших сосудов маленькие довольно тщательно выработаны.

Третья встречающаяся реже разновидность горшков — это сосуды с короткой, вертикально направленной горловиной, заканчивающейся простым скругленным краем (диаметр устья 10—13 см), с сильно раздутым туловом, опирающимся на небольшое плоское или округло-уплощенное дно диаметром 6—10 см. Округло-уплощенное дно обнаружено среди керамики с четвертого пола раскопа № 5. Близкие аналогии этим горшкам подыскать довольно трудно. По пропорциям и весьма общему облику известное сходство наблюдается среди сарматской керамики Нижнего Поволжья и отчасти Южного Приуралья IV—III вв. до н. э. В частности, горшок, представленный на рис. 26, 33, очень похож на сосуд уральской группы из Тара-Бутака (курган № 2, погребение 3), датирующийся IV в. до н. э.²⁴; различие заключается в том, что край доньшка тара-бутацкого сосуда не выступает наружу.

Миски небольшого размера встречаются редко; всего найдено три фрагмента. Один из них, лучшей сохранности, принадлежал небольшому сосуду с диаметром устья 13 см, дна — 7, 5 см; высотой 8 см (рис. 26, 22). По качеству миска отличается от большинства сосудов тем, что она выработана более тщательно.

Второй сравнительно хорошо сохранившийся фрагмент принадлежал донной части сосуда. Он может быть отнесен к мискам лишь по аналогии с некоторыми, довольно близкими сосудами ремесленного производства, один из которых найден в Хорезме при раскопках архаического поселения близ Дингильдже (V в. до н. э.)²⁵, второй происходит из слоя Афрасиаб III (IV—II вв. до н. э.)²⁶ и третий обнаружен среди керамики древнего Мерва в слое III—II вв. до н. э.²⁷

Сосуд, фрагмент которого был нами найден, выработан еще более тщательно, чем первый; поверхность его слегка розоватого тона, при серовато-коричневатом цвете черепка в изломе, тщательно заглажена и подложена. По свидетельству К. Ф. Смирнова, такая обработка поверхности сосудов характерна для сарматской керамики IV—II вв. до н. э. В Нижнем Поволжье и Южном Приуралье сосуды с такой поверхностью появляются с конца IV в. до н. э.; много их в прохоровское время²⁸.

Плоские тарелки или блюда представлены всего одним фрагментом сосуда серой глины (рис. 27, 4).

Сковороды или сосуды типа жаровни — широкодонные сосуды различной величины, диаметр дна колеблется от 22 до 45 см

²⁴ Из раскопок Чкаловской экспедиции 1957 г. Данные о сосуде любезно сообщены К. Ф. Смирновым.

²⁵ М. Г. Воробьева. Указ. соч. табл. между стр. 216—217.

²⁶ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 154, рис. 69, IV 1.

²⁷ Л. М. Рутковская. Керамика древнего Мерва. СА, 1958, № 3, стр. 120 и след.

²⁸ Доклад К. Ф. Смирнова на секторе скифо-сарматской археологии ИИМК в 1958 г.

(рис. 26, 1, 12, 27). Обычно глина этих сосудов в изломе красновато-оранжевая, черепок довольно хрупкий, легко крошится. Подобные сосуды встречаются во всех слоях раскопа № 5; есть они и на различных поселениях комплекса Бабиш-мулла. В Хорезме подобные сковороды встречались среди лепной керамики Джанбас-калы, Куны-Уаза и Кой-Крылган-калы.

Перечисленными формами исчерпывается керамика, найденная на Чирик-рабате в 1957 г. Керамика, как указывалось, однородна, относится к одному историческому периоду и может датироваться на основе всей совокупности данных, полученных при раскопках городища, а также по приведенным аналогиям IV—II вв. до н. э.

На столь незначительном материале трудно проследить изменения в формах, происшедшие на протяжении времени существования городища. Однако бесспорно устанавливается, что к концу жизни на городище происходит постепенное вытеснение лепной посуды ремесленной керамикой, как это мы видели на примере хумов и на данных подсчета числа фрагментов сосудов той и другой группы в различных слоях раскопа № 5.

Из приведенных аналогий можно заключить, что население Чирик-рабата не было изолировано от внешнего мира и, кроме Хорезма, влияние которого особенно сильно, общалось и с другими областями Средней Азии.

Как уже говорилось, район Жаны-Дарьи являлся основным центром расселения большого племенного союза апасиаков или массагетов островов и болот по Страбону (Страбон, XI, 1, 6—7).

Городище Чирик-рабат, видимо, являлось своеобразной столицей апасиаков, которая первоначально возникла в виде большой овальной крепости вокруг шести погребальных курганов. Впоследствии, не будучи в состоянии защищать всю крепость, ее обитатели отгородили южную часть новой, более мощной стеной и, таким образом, обороняли только эту южную часть городища.

VII

В 1957 г. одним из отрядов Хорезмской экспедиции (под непосредственным руководством С. П. Толстова)²⁹ был обследован другой комплекс апасиацких поселений, носящий общее название Бабиш-мулла (рис. 29) и расположенный между двумя боковыми руслами Жаны-Дарьи, в 40 км к ССВ от центра расселения апасиацких племен — городища Чирик-рабат.

Впервые развалины Бабиш-муллы обследовались авиаразведывательным отрядом экспедиции в 1946 г.³⁰ Тогда же были нанесены на карту большое городище — Бабиш-мулла-1 и отдельно стоящее здание — Бабиш-мулла-2, снят схематический план крепости и собран подъемный материал. Дополнительное рекогносцировочное обследование Бабиш-муллы было осуществлено в 1948³¹ и 1949 гг.

Во время работ 1957 г. обследован район Бабиш-муллы протяженностью в 22 км с севера на юг и 33 км с востока на запад (рис. 30).

Отряд занимался изучением остатков античной ирригации и базировавшихся на ней поселений. Выяснено, что орошение было основано на ши-

²⁹ В работах принимали участие 9 научных сотрудников и 6 рабочих-землекопов. Работы велись с 8 по 10 и с 18 по 26 октября 1957 г.

³⁰ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1946 г. «Изв. АН СССР. Серия истории и философии», т. IV, № 2, М., 1947, стр. 180; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 57, 58.

³¹ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1948 г. «Изв. АН СССР. Серия истории и философии», 1949, № 3, стр. 254.

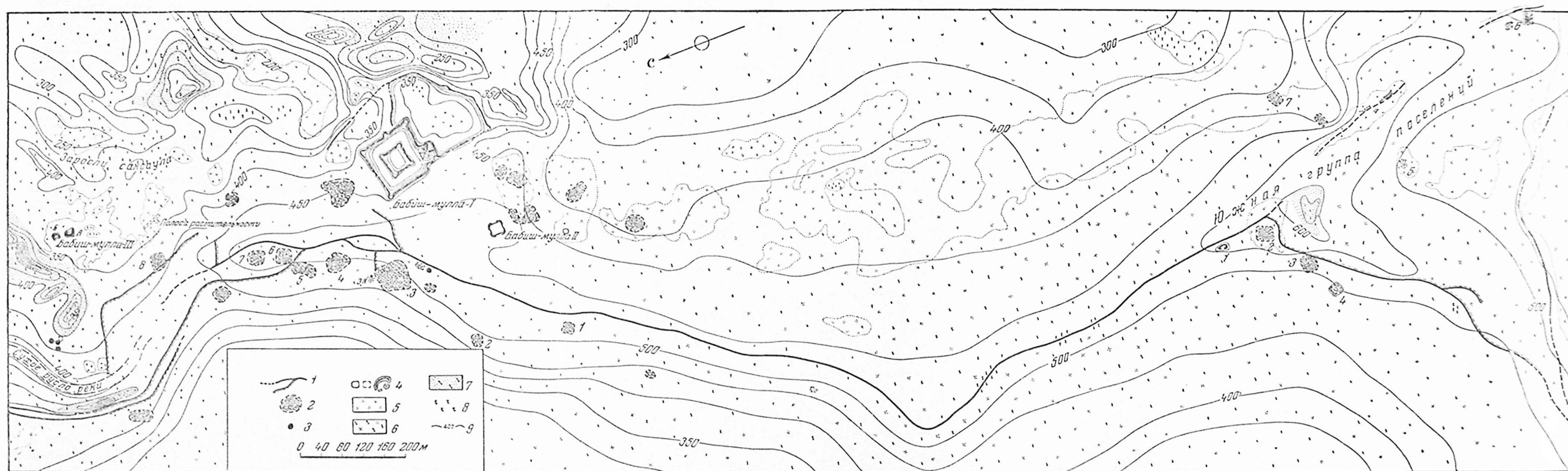

Рис. 28. План местности Бабий-мулла

1 — каналы; 2 — остатки поселений; 3 — гонимая печь; 4 — следы сооружения; 5 — талыры; 6 — талыры, заросшие биюргуном; 7 — пески; 8 — кусты саксаула; 9 — горизонталь с отметкой высоты

роком использовании естественных русел небольших протоков внутренней дельты очень сложной и разветвленной системы, берущей свое начало из Жаны-Дарьи у Ак-Кыра. Как правило, арыки не имеют разветвлений и характеризуются очень крутым уклоном от русла к полю. В ряде случаев зафиксированы большие магистральные каналы шириной до 20 м.

Рис. 29. Бабиш-мулла. Вид с воздуха

Наиболее сложная из обследованных в окрестностях Бабиш-муллы оросительная система брала свое начало из русла в 6 км к югу от памятника. Магистральный канал продолжает направление русла и, видимо, вытекал из него. В 3 км от русла к северу магистральный канал разветвляется. На этом канале базировались все поселения, примыкающие непосредственно к Бабиш-мулле.

Сохранились античные поселения в виде заметных на поверхности такыров планировок или скоплений керамики, кварцитовых обломков и других остатков деятельности человека. Наиболее густо расположены они в непосредственной близости к крепости Бабиш-мулла-1, составляя с ней единый комплекс.

Из более удаленных от крепости наибольший интерес представляет поселение, находящееся на другом канале в 7 км к востоку от нее с хорошо сохранившейся планировкой жилищ и мелкой ирригационной сетью, ответвляющейся от магистрального канала под прямыми углами (рис. 31; см. также рис. 30, поиск № 242.) Жилища выступают на поверхности такыров в виде оконтуренных растительностью площадок с обильными скоплениями античной керамики, кварцитовых орудий, очажных камней и костей. Жилища тянулись непрерывно вдоль магистрального канала на протяжении 140 м с востока на запад; они, видимо, разделялись отходящими от канала короткими оросительными канавами, имевшими очень крутое падение в сторону полей, ограничивающих поселение с юга.

При детальном обследовании руин, носящих название Бабиш-мулла, выявлено, что комплекс памятников составляют: развалины большого поселения городского типа — крепости Бабиш-мулла-1; расположенные в 150 м к западу от нее развалины крупного погребального сооружения — Бабиш-мулла-2; несколько неукрепленных поселений, вытянувшихся вдоль проведенного в меридиональном направлении, западнее Бабиш-мулла-1 и 2, оросительного канала, соединяющего боковые русла Жаны-Дарьи (рис. 28). Поселения можно объединить в три большие группы:

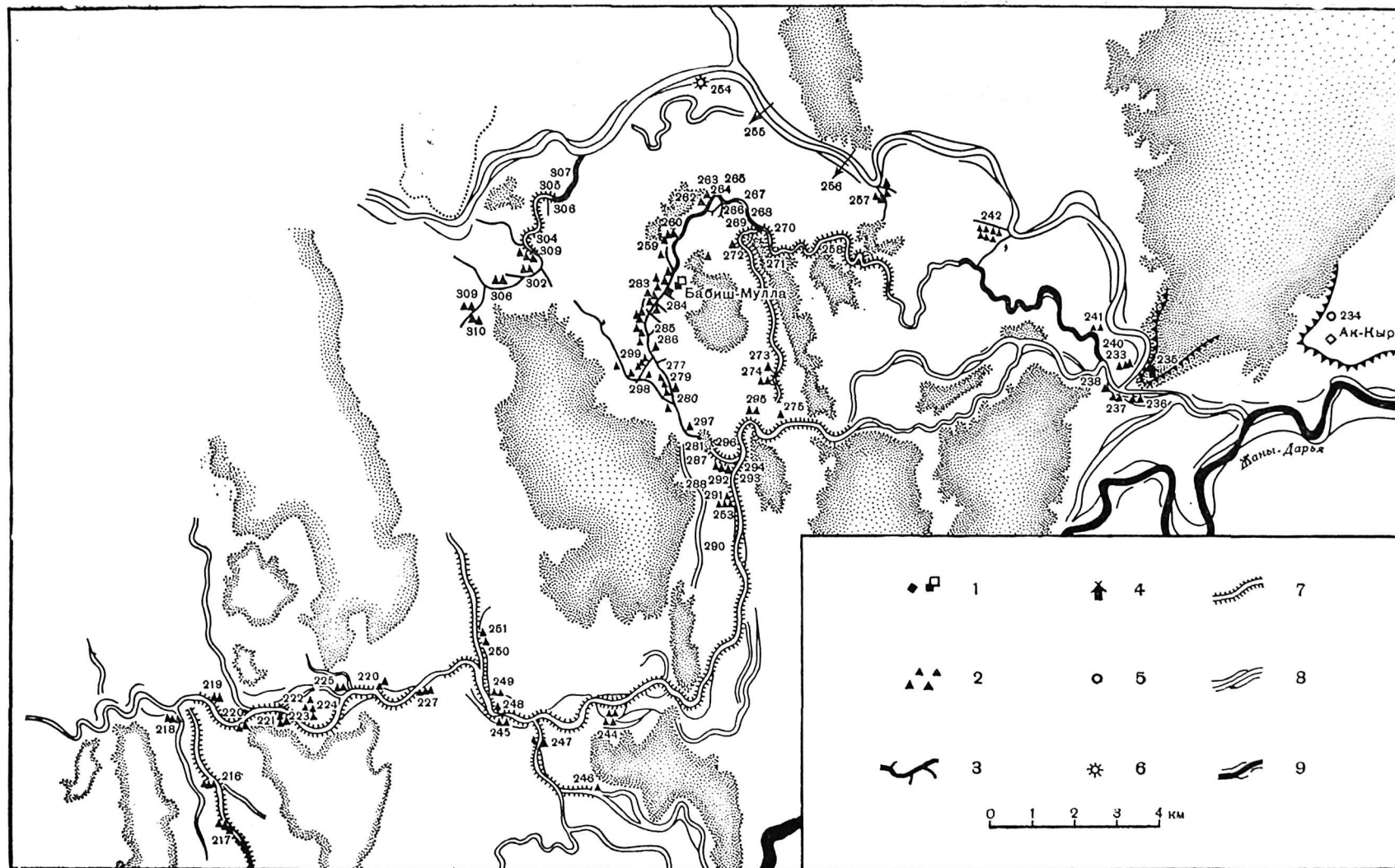

Рис. 30. Карта района Бабиш-муллы

1 — развалины античного города; 2 — скопления керамики (остатки поселений) и номера поисков; 3 — остатки древних каналов; 4 — позднесредневековый мазар; 5 — курган; 6 — мастерская статуэток; 7 — старые русла, возвышающиеся над уровнем такыра (дамбированные русла?); 8 — старые русла, выраженные такырными полосами и растительностью; 9 — старые русла, сохранившие отрицательные формы рельефа

северную, в километре к северу от Бабиш-мулла - 1, частично занимающую берега северного бокового русла там, где к нему подходит канал; центральную, расположенную в непосредственной близости к крепости, и южную — в 1,5 км к югу от центральной.

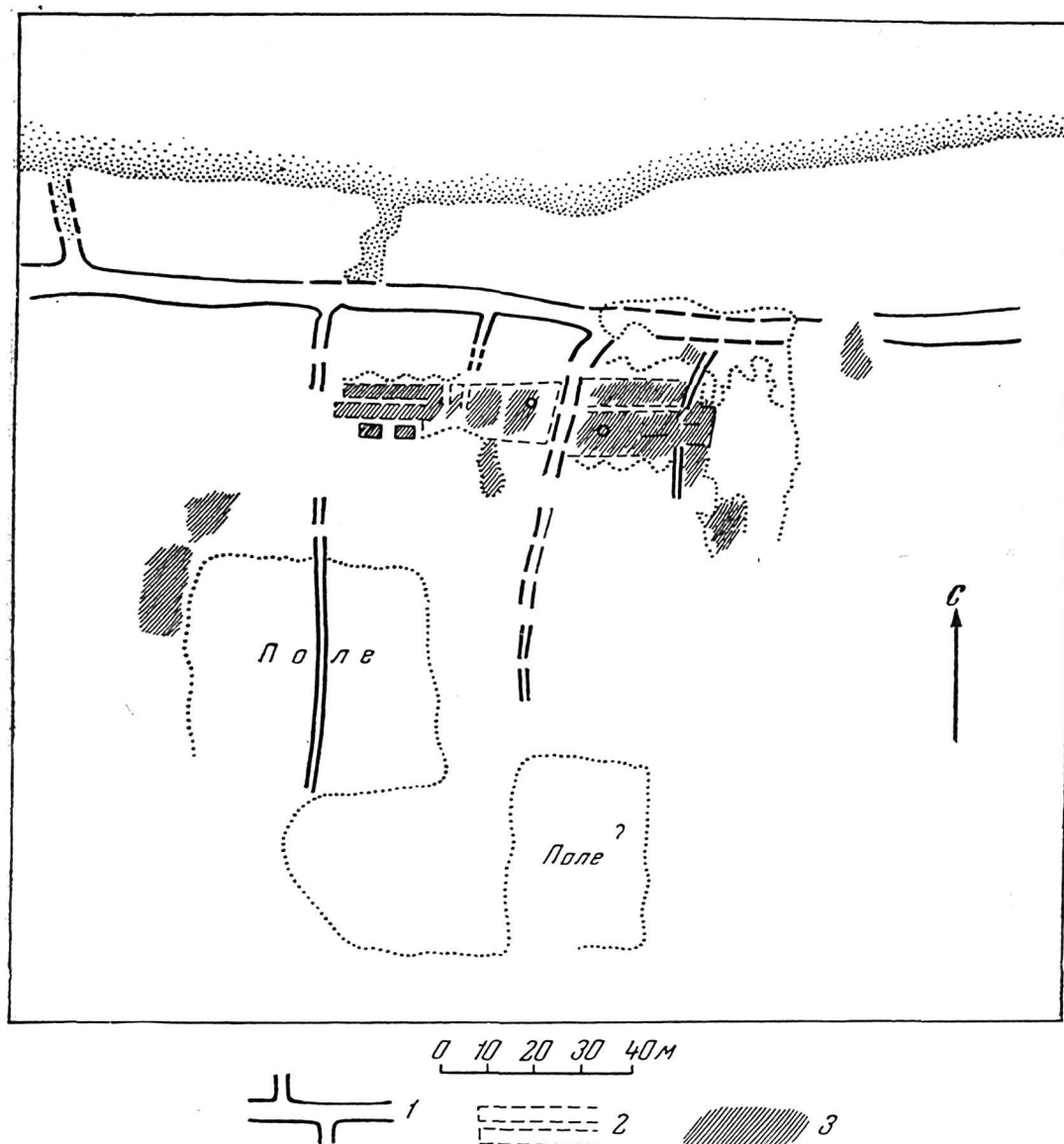

Рис. 31. Схематический план античного поселения (поиск № 242) в районе Бабиш-муллы

1 — следы каналов; 2 — планировки помещений; 3 — скопления керамики

Местность вокруг ровная. Общее понижение рельефа с юга на север и с запада на восток, этому соответствует и направление арыков, отходящих от основного канала к поселениям.

Поселения сохранились или в виде невысоких бугров, скрывающих в себе остатки домов, или в виде выступающих на такырах планировок, иногда подчеркнутых растительностью и покрытых обильными россыпями керамики. На отдельных поселениях зарегистрированы остатки гончарных печей; около одного из домов были сосредоточены три такие печи.

Кроме фрагментов керамики, среди которой преобладает сформованная на круге посуда (см. рис. 43), найдены грубые орудия из кварцита, скифские трехперые бронзовые наконечники стрел (рис. 32), датирую-

щиеся V—III вв. до н. э.³², зернотерки, небольшой обломок помятой пластинки листового золота, сильно окислившиеся изделия из бронзы, боченковидная бусина из слоньего сардоникса, сверленная алмазом. По

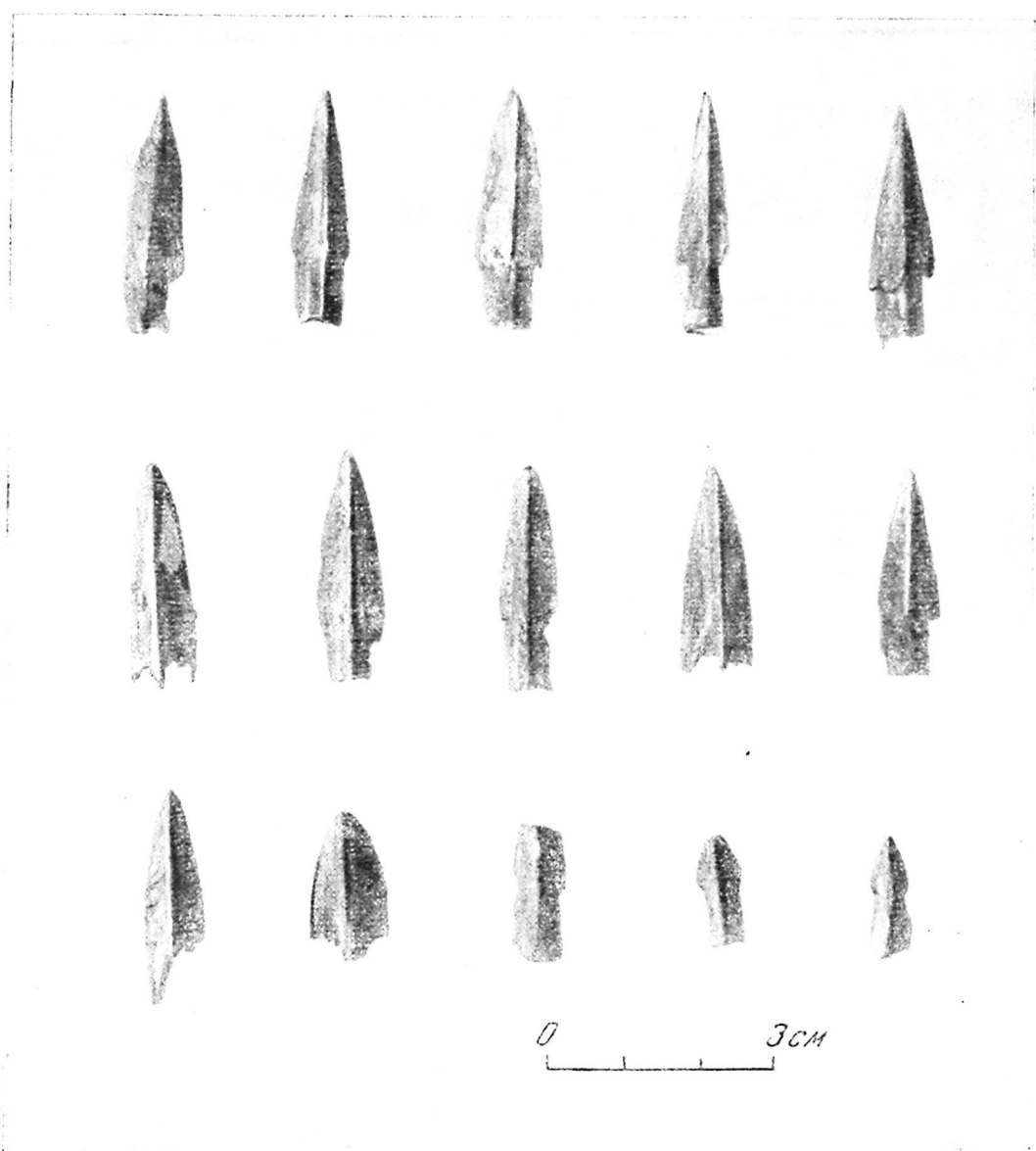

Рис. 32. Бронзовые наконечники стрел с поселений комплекса Бабиш-муллы

закавказским аналогиям бусина датируется IV—II вв. до н. э.³³ На некоторых поселениях найдены железные шлаки и обломки криц. В одном случае вместе с железными шлаками встречен обломок двурогого глиняного сопла.

Интересна находка небольшого керамического налеса (рис. 33) с выполненным в технике плоского рельефа изображением дугообразно изогнувшегося копытного животного с мохнатой длинной шерстью. По компо-

³² Пользуемся случаем выразить благодарность Б. Н. Гракову, А. И. Мелюковой и К. Ф. Смирнову за любезную консультацию при определении полученных при раскопках и разведках наконечников стрел. По мнению Б. Н. Гракова, один из найденных на поселении наконечников, судя по сибирским аналогиям, мог существовать и во II в. до н. э.

³³ Определение сделано С. А. Трудновской.

зиции рельеф несколько напоминает кусающего свои задние ноги яка, выбитого на золотой накладке, обнаруженной в долине Малого Нарына на Тянь-Шане, на территории распространения памятников сако-усуньской культуры (находка случайная, установить ее принадлежность и датировку трудно)³⁴.

Несколько более удалено от крепости Бабиш-мулла-1 поселение (см. рис. 30, поиск № 254), на котором было обнаружено производство очень примитивно сделанных глиняных фигурок (рис. 34). Все фигурки вылеплены от руки и обожжены. Рядом с ними найдены также обожженные глиняные шарики, в которых очень соблазнительно видеть отскочившие при обжиге головы фигурок. Однако бесспорных оснований для подобного утверждения пока нет, и не исключена возможность, что шарики имели самостоятельное назначение.

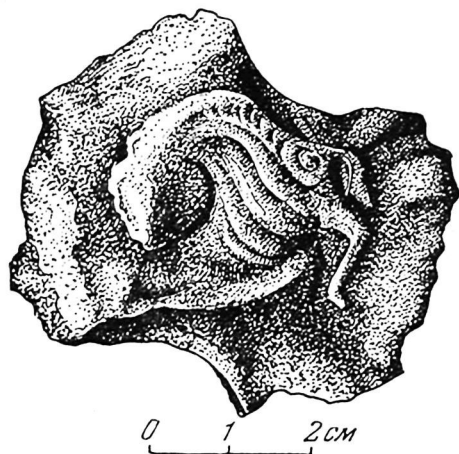

Рис. 33. Изображение животного на керамическом напеле с античного поселения в районе Бабиш-муллы

Центром всего исследовавшегося комплекса было городище Бабиш-мулла-1 — большая крепость неправильных очертаний, обнесенная мощной, возведенной на пахсовом цоколе стеной (толщина ее 5,3 м) из сырцового кирпича размером $39/40 \times 39/40 \times 11$ см и $43/44 \times 35 \times 9$ см. Извне стена защищена полукруглыми башнями; по внутреннему периметру прослеживается застройка городища.

В северной части его расположена квадратная цитадель (100×100 м), обнесенная стеной с башнями, в которой прорезаны стреловидные бойницы характерного для Хорезма типа. В квадрат цитадели включено квадратное же здание размером 44×44 м, в стенах которого также были бойницы. На поверхности развалин отмечено большое скопление керамики того же типа, что и на всей территории городища.

К юго-западному углу цитадели примыкают развалины еще одного большого здания (30×30 м), состоящего из расположенных под прямым углом сводчатых помещений, сохранившихся на высоту 4—5 м (рис. 28 и 29).

Нами были заложены три разведочных шурфа: один — на центральном здании внутри цитадели, два — у внешней крепостной стены.

В шурфе на центральном здании зачищена кладка внутренней планировки, выявлен культурный слой. В шурфе близ южной стены городища в пределах крепости также обнаружен культурный слой, достигающий здесь мощности 0,95 м и разделенный полами на три горизонта. Слой содержит кости животных, многочисленные фрагменты керамики тех же типов, что и в других шурфах и на поверхности. Анализ керамики из шурфа позволяет говорить о принадлежности всех трех горизонтов к одному историческому периоду.

При шурфовке с внешней стороны крепостной стены, около хорошо заметной на такыре юго-восточной полукруглой башни, выяснена конструкция стены, состоящей из пахсового цоколя и возведенной на ней кладки из сырцового кирпича. Обнаружены интересные находки: фрагмент лепного орнамента в виде небольшого лепестка со следами красной краски

³⁴ А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943, стр. 11 и табл. III, рис. 20. Интересно, что А. Н. Бернштам при описании помещает указанную накладку среди памятников сакского времени и в табл. III отводит ей место в ряду скифских вещей VII — IV вв. до н. э.

по краям и обломок круглого в сечении стержня диаметром около 1 см. Оба предмета изготовлены из лёссовой необожженной глины. Керамики

мало — всего несколько черепков.

На городище, кроме керамики, найдены скифские трехперые бронзовые наконечники стрел (рис. 35), датирующиеся V—IV вв. до н. э., многочисленные обломки грубых орудий и терок из кварцита (рис. 36), биконическая бусина из синего прозрачного стекла, аналогичная бусам из Джанбас-калы в Хорезме³⁵.

С городищем Бабиш-мулла-1, по-видимому, связано отдельно стоящее погребальное сооружение (Бабиш-мулла-2), раскопки которого представляют наибольший интерес (рис. 37).

Квадратное в плане здание размером $21,6 \times 21,6$ м сохранилось на высоту до 7 м. В углах его расположены четыре погребальных зала ($5,2 \times 5,5$ м), отделенные друг от друга пересекающимися коридорами, образующими прямой крест. Коридоры открываются во внешних стенах сооружения арочными проходами, перед которыми расположены своего рода открытые лоджии, являющиеся продолжением коридора за линией арки.

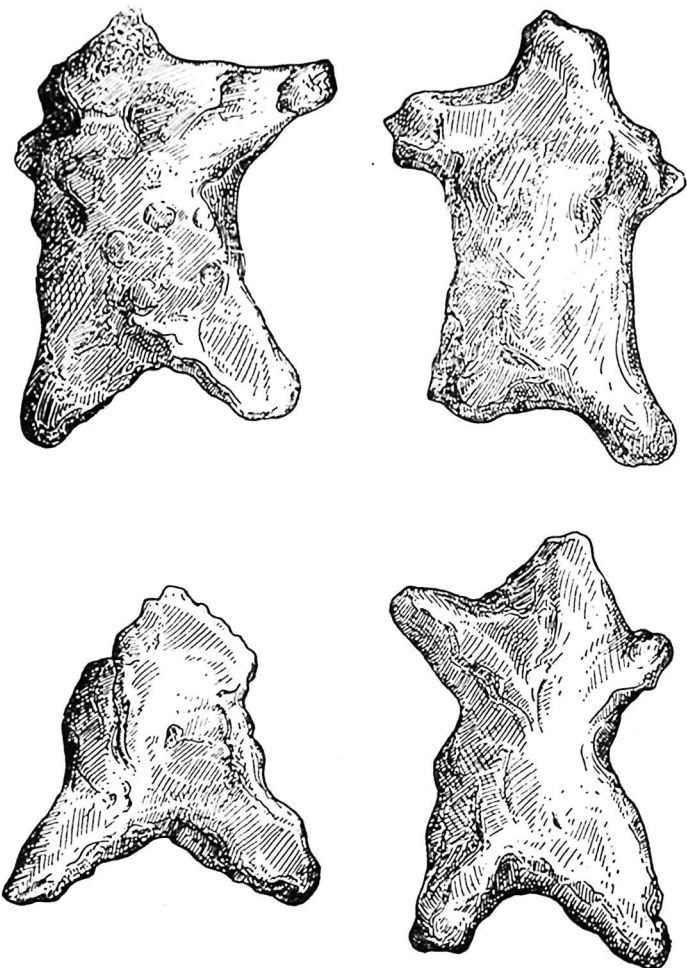

Рис. 34. Обожженные глиняные фигурки, найденные на античном поселении в районе Бабиш-муллы (поиск № 254)

Раскопки велись в северо-западном углу здания, где был расчищен один из четырех погребальных залов, примыкающие к нему с юга и востока коридоры и северная внешняя лоджия (рис. 38).

Основанием всего сооружения служил сложенный из шести рядов пахсовых блоков цоколь высотой немногим более трех метров от уровня современного такыра. На цоколе были возведены стены, выложенные вперевязку из квадратного сырцового кирпича размером в основном $40 \times 40 \times 10$ см. Залы и коридоры перекрывались сводом из трапециевидного сырцового кирпича с большой примесью

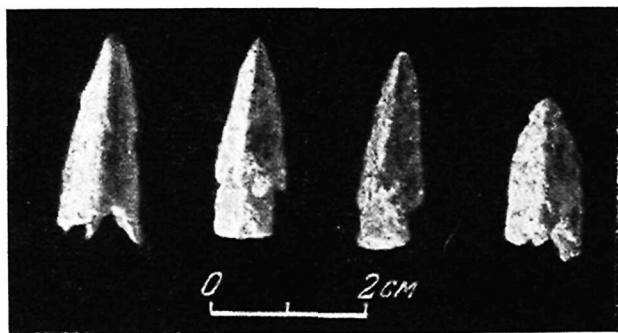

Рис. 35. Бронзовые наконечники стрел с крепости Бабиш-мулла-1

³⁵ Определение сделано С. А. Трудновской. См. также И. В. Пташников. Бусы древнего и средневекового Хорезма. «Труды ХЭ», т. I, стр. 106 и табл. 1, 5.

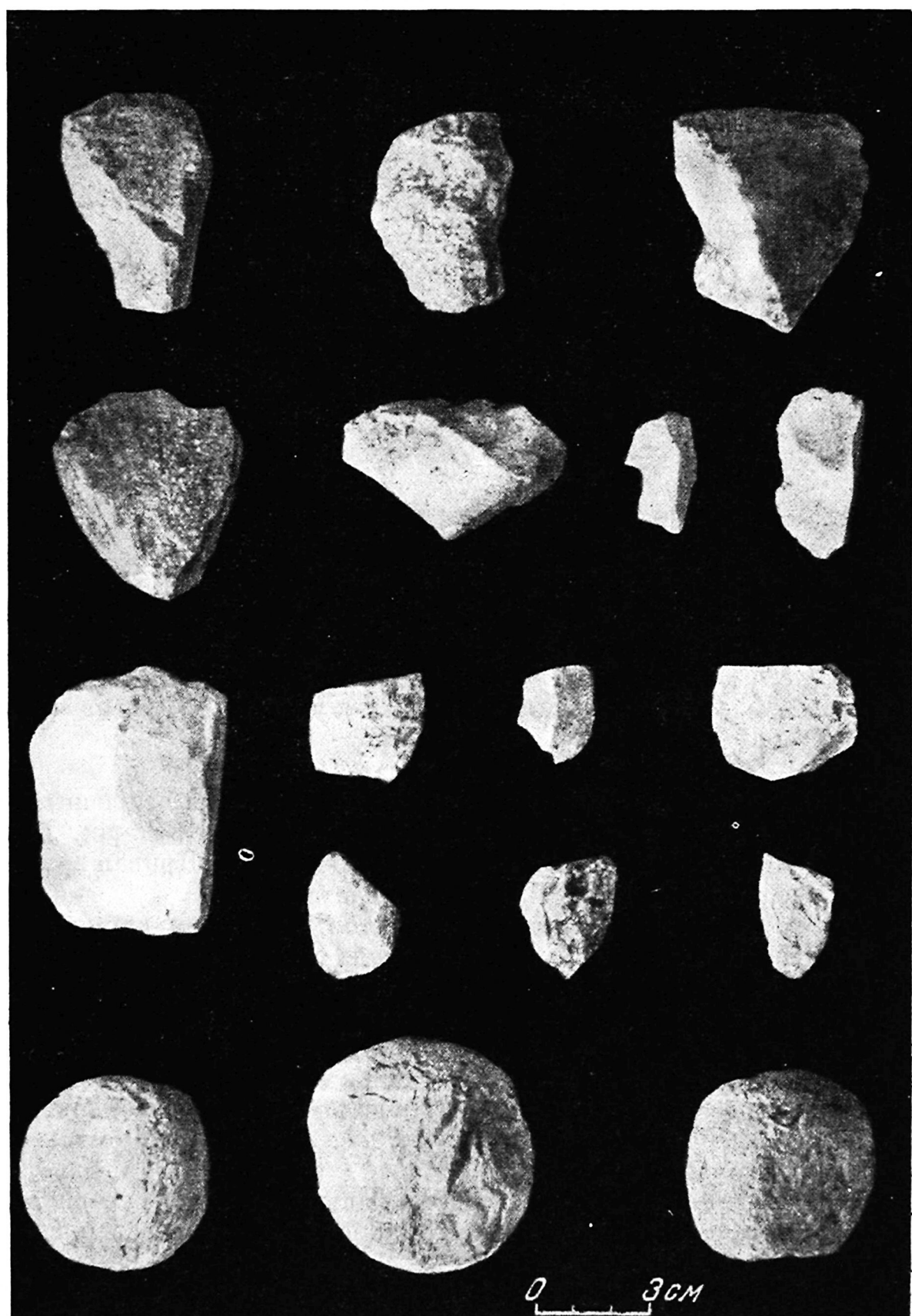

Рис. 36. Орудия из кварцита, найденные на крепости Бабиш-мулла

самана. Кирпич свода мельче, чем в кладке стен: длина оснований 33 и 25 см, боковых сторон — 40 см, толщина 10 см.

Свод коробовый, выведенный поперечными отрезками наклонными кольцами. Для заполнения периферийных швов употреблялась расклинка обломками керамики. Высота пяты свода от основания стен — 2,11 м.

Рис. 37. Бабиш-мулла-2. Общий вид после расчистки внешнего северного помещения (в центре)

Погребальный зал соединялся с коридором проходом с арочным перекрытием, аналогичным проходам, ведущим во внешние лоджии. Ширина проходов 1,0—1,2 м; высота до замка арки 1,65—1,85 м. Кривая арки трехцентровая высокого подъема; кладка клинчатая.

Стены всех помещений были покрыты толстым слоем глиняной штукатурки с алебастровой обмазкой. Внутренняя отделка погребального зала богаче, чем в коридорах. Пол его выложен жженым кирпичом ($34/43 \times 28/31 \times 5$ см), покрыт алебастровой обмазкой и раскрашен шахматным узором с чередованием красных и белых прямоугольников (рис. 39). В северной части зала вдоль стены сделана выкладка из шести рядов обожженного кирпича; ширина ее 1,3 м, высота 0,5 м. По-видимому, выкладка также была раскрашена по алебастровой обмазке, так как в отдельных местах сохранились следы черной краски.

Вдоль южной и восточной стен шла приставная кладка, связанная, видимо, с ремонтом обрушившегося свода. Интересно, что в приставной кладке, идущей вдоль восточной стены, был продолжен выводящий в меридиональный внутренний коридор арочный проход, устроенный в основной кладке. Покойники, погребенные в этом зале, лежали, вероятно, на выкладке и может быть на полу, в центре помещения. Здание было ограблено в древности. Грабителями проломлена северная стена, взломан пол, прорублена пахса цоколя. Погребения были ограблены, кости разбросаны.

В завале, образовавшемся после «работы» грабителей в погребальном зале, в сводчатом проходе, ведущем в коридор, и в коридоре найдены человеческие кости (в том числе два черепа), отдельные предметы — черная конусовидная подвеска из камня, половина сложной боченовидной бусины из черного и белого слоев камня, две деревянные планки с внут-

ренными сквозными пазами, возможно, от погребальных носилок, обломки изделия из железа. Собранный керамика, судя по ее залеганию в завале, попала туда из расклинки сводов. По типу она не отличается от найденной на Бабиш-мулла-1, что свидетельствует об одновременности существования обоих памятников.

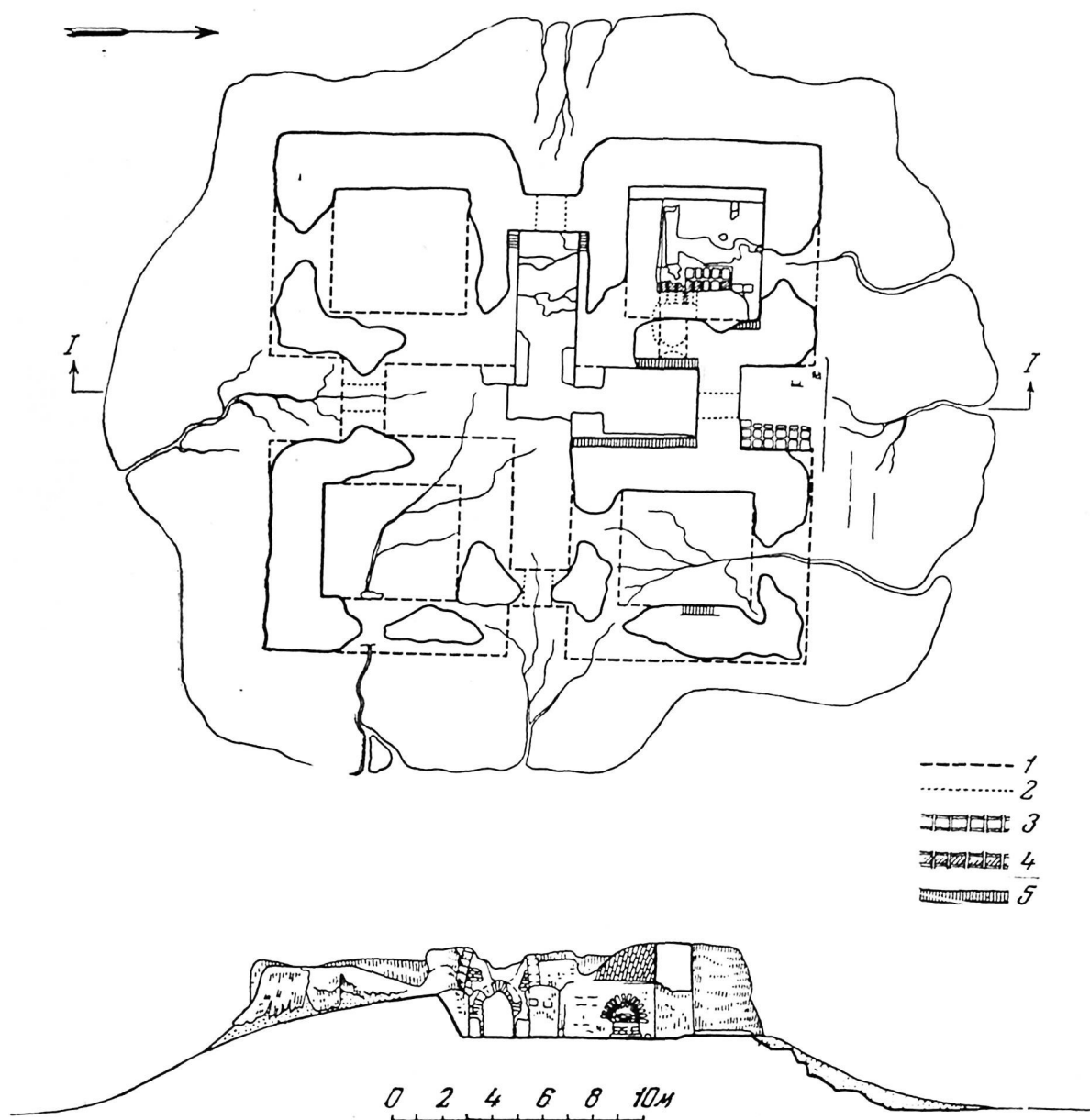

Рис. 38. Бабиш-мулла-2. План и разрез

1 — предполагаемая планировка; 2 — раскрытые проходы; 3 — вымостка из сырцового кирпича; 4 — вымостка из керамических плит; 5 — своды из сырцового кирпича

Как мы уже отмечали, керамика всего комплекса Бабиш-муллы однородна и относится к одному, сравнительно кратковременному историческому периоду. Однако погребальное сооружение все же было использовано для захоронений не один раз. Об этом можно судить по замеченным при раскопках перестройкам внутри здания. Первоначально местом погребения служили только угловые залы. Но позже для этой цели могли использоваться и превращенные в небольшие погребальные помещения коридоры (рис. 40). В местах пересечения их, впритык к основным стенам, выведены арки, образующие проходы к центру здания.

Большой интерес представляет вопрос об обряде погребения. Пока бесспорным является наличие оссуарных захоронений, поскольку среди находок выявлены фрагменты керамических оссуариев. При камеральной обработке определились два их вида: светлоглиняные, ящичные, плоскодонные с горизонтально срезанным, несколько утолщенным по сравнению

Рис. 39. Бабиш-мулла-2. Погребальное помещение № 3

со стенками, краем; поверхность их покрыта густым белым ангобом; второй вид—оссуарии из глины красного обжига, судя по недостаточным для точного восстановления их формы фрагментам, видимо, были овальные, но с таким же краем, как и у ящичных. Стенки покрыты красным ангобом и украшены налепным валиком, разделанным пальцевыми вдавлениями (рис. 41, 16).

Интересна находка фрагментов хума из светлой, хорошо приготовленной глины, покрытого белым ангобом и окрашенного по венчику и шейке красной краской (рис. 41, 3). Из найденных фрагментов можно восстановить значительную часть хума. Не исключена возможность, что этот хум служил своего рода оссуарием. По форме горловины хум резко отличается от всех сосудов этого типа, встреченных на Бабиш-мулле и на поселениях. Неизвестен такой профиль и в Хорезме. Единственную аналогию удалось найти среди керамики из слоя Афрасиаб II в Согде, отнесенного А. И. Тереножкиным к сако-эллинистическому периоду (IV—II вв. до н. э.)³⁶.

Существовали ли на Бабиш-мулле-2 одновременно с оссуарными захоронениями труположения в погребальных камерах, пока определить трудно. В пользу последнего предположения могут свидетельствовать найденные

³⁶ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 154, рис. 69, III, 9.

в проходе между погребальным залом и северным коридором явно выкинутые из-под пола деревянные планки с пазами, напоминающие части погребальных носилок из Кенкольского могильника. Если планки принадлежали погребальным носилкам, то все же пока еще нет оснований утверждать, что погребенного клали непосредственно на эти носилки. Не исключена возможность, что на них устанавливались оссуарии.

Черепя, обнаруженные при раскопках погребального сооружения, предварительно определяются как европеоидные, напоминающие переходные формы от андроновского к типу среднеазиатского Междуречья, известные среди саков и усуней Киргизии³⁷.

Керамика, собранная из шурфов на городище Бабиш-мулла-1, при раскопках погребального сооружения и при обследовании поселений, входящих в комплекс, в общем однородна. Преобладает ремесленная.

Ремесленная посуда изготовлена из отмученной, хорошо промытой глины с добавлением белого вещества в виде небольших комочков и крупинок, незначительного количества песка, иногда шмота. Формовка круговая, тщательная; обжиг в большинстве случаев достаточный, однако есть и неполный. Черепок в изломе красноватого и красно-коричневого цвета, изредка серого и кремового. Есть фрагменты без ангоба и светло-ангобированные, но они встречаются гораздо реже. Среди красно-ангобированных наблюдаются сосуды различной окраски: от ярко-красного цвета до темно-коричневого и, в отдельных случаях, почти черного. Лощеных сосудов немного. Лощение применялось по красному и серому ангобу. Расписной посуды очень мало. Роспись ленточная, нанесенная красной или красно-коричневой краской по светлому ангобу. Характерны потеки краски, сбегające вниз.

Форм посуды сравнительно немного: хумы, хумчи, горшки, кувшины, тазы, миски, глубокие чаши, мелкие тарелочки, котлы с двумя ручками-выступами. Количественно преобладают миски и горшки.

Х у м ы грушевидной формы, с плоским широким дном; часто днище бывает слегка выделено (рис. 42, 22). Венчик небольшой, утолщенный, круглый в сечении, валикообразный или подтреугольный (рис. 41, 1; рис. 42, 27, 17). Диаметр устья около 40 см. Поверхность покрыта красным ангобом, изредка — светлым с ленточной росписью красной краской.

Х у м ч и горшковидные, с раздутым туловом, хорошо выделенными плечиками, с наибольшим диаметром в верхней части сосуда или в середине. По плечикам — валик, на котором иногда наносились глубокие вертикальные насечки (рис. 41, 13 и рис. 42, 23). Венчик — подтреугольной или подпрямоугольной формы (рис. 42, 29). Ангоб красный.

Г о р ш к и обычно с округлым туловом, но встречаются и вытянутых пропорций. Венчик чаще небольшой, округлый, слегка выступающий. Диаметр устья 18—22 см. Шейка короткая, переходит в круглые, резко покатые плечики. Дно плоское, по диаметру равное или несколько меньше устья. Поверхность покрыта обычно красным, красно-коричневым или коричневым ангобом.

К у в ш и н ы встречаются различных размеров от маленьких, высотой 16 см, диаметром устья 7—10 см, до больших водоносных с диаметром устья в 14—18 см (рис. 41, 17—19, 24; рис. 42, 3—7; рис. 43, 22—24, 29—32). Венчик небольшой, округлый или подтреугольный, выступающий; горло сравнительно невысокое, переходящее в хорошо выделенные плечики, иногда отделенные от горловины слабо выраженным валиком. Тулово округлое, грушевидное. Дно плоское и в большинстве случаев по диаметру приблизительно равное устью. Есть сосуды с нарочито выделенным днищем, попадаются и с кольцевидным поддоном, но они единичны.

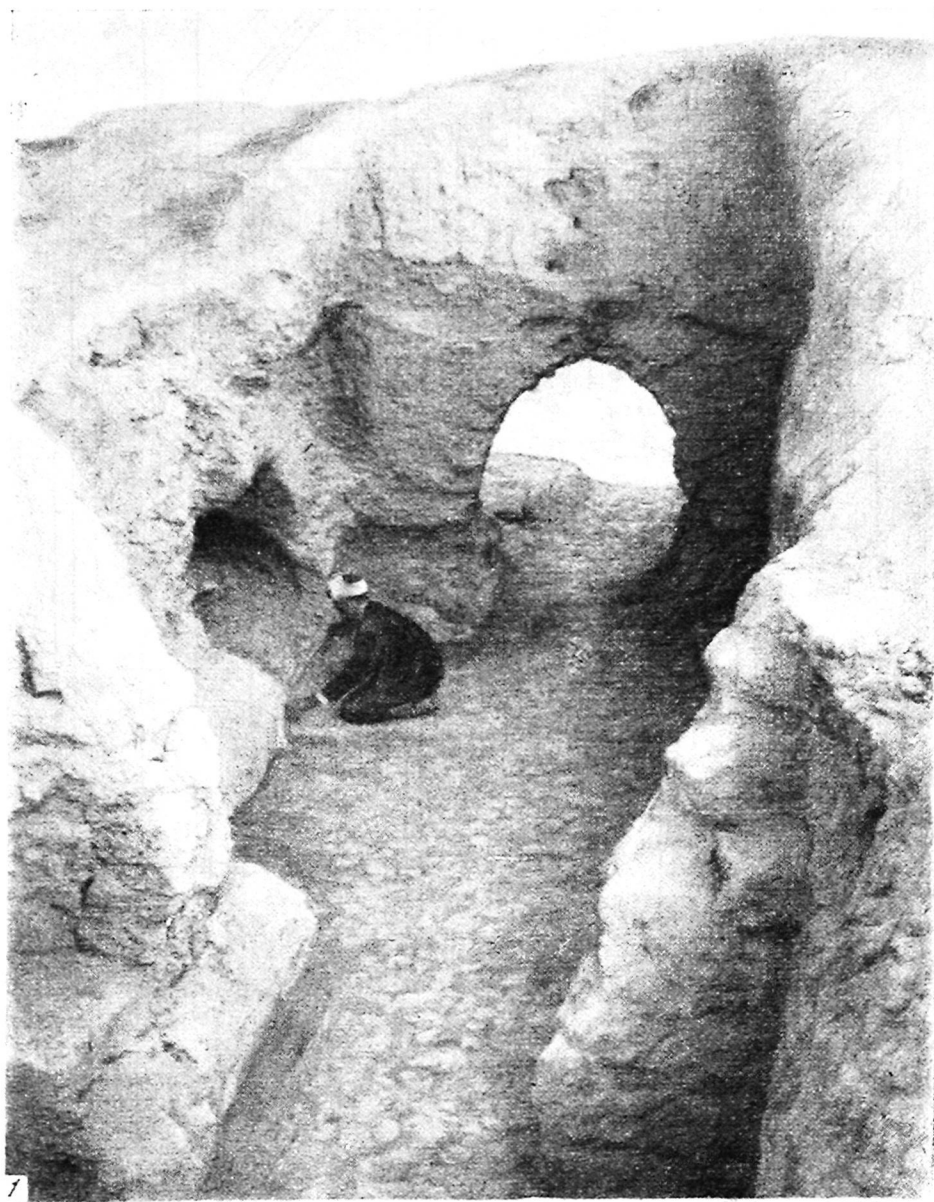
³⁷ Определение черепов произведено Т. А. Трофимовой

Рис. 40а. Бабиш-мулла-2. Северный коридор в северо-западной части здания

Большая часть кувшинов без ручек; реже — с одной ручкой, круглой или подквадратной в сечении. Поверхность сосудов покрыта красным или светлым ангобом.

Миски и тазы различаются только величиной. Большие представлены вариантами двух форм. Это довольно глубокие открытые сосуды со слегка загнутым внутрь верхним краем, или с небольшим, отогнутым наружу венчиком, образующим горизонтальную площадку по бережку. Венчик подтреугольный или подпрямоугольный в сечении. Диаметр устья мисок — 24—26 см, тазов — 30—39 см (рис. 41, 25—28; рис. 42, 12, 13, 20, 21; рис. 43, 2, 3, 5, 9, 20). Дно плоское и приблизительно равное половине диаметра устья. Выработка очень тщательная. Поверхность обычно покрыта красным, красно-коричневым или коричневым ангобом. Встречаются сосуды, окрашенные внутри красным, снаружи светлым ангобом.

406. Бабиш-мулла-2. Западный коридор в северо-западной части здания

Среди мисок выделяются экземпляры с четко выделенной почти вертикально направленной, несколько отклоняющейся наружу, верхней частью переходящей через невысокий уступ в тулово, резко сужающееся ко дну. Край скругленный и чуть утолщен. Дно не определяется (рис. 43, 3).

Следует также выделить небольшие мисочки с диаметром устья 18—22 см, по форме более открытые. Венчик у них, сильно отогнутый наружу, образует горизонтальную площадку по бережку. Дно плоское или на низком дисковидном поддоне, равное половине диаметра устья (рис. 41, 20; рис. 42, 12, 13; рис. 43, 25). Поверхность снаружи и изнутри сосуда покрыта красным или красно-коричневым ангобом. Среди мисок есть сероглиняные.

Ч а ш и представлены глубокими кубковидными сосудами, со слегка отгибающимся наружу или несколько стянутым внутрь более тонким по сравнению со стенками скругленным краем, диаметр устья 12—16 см.

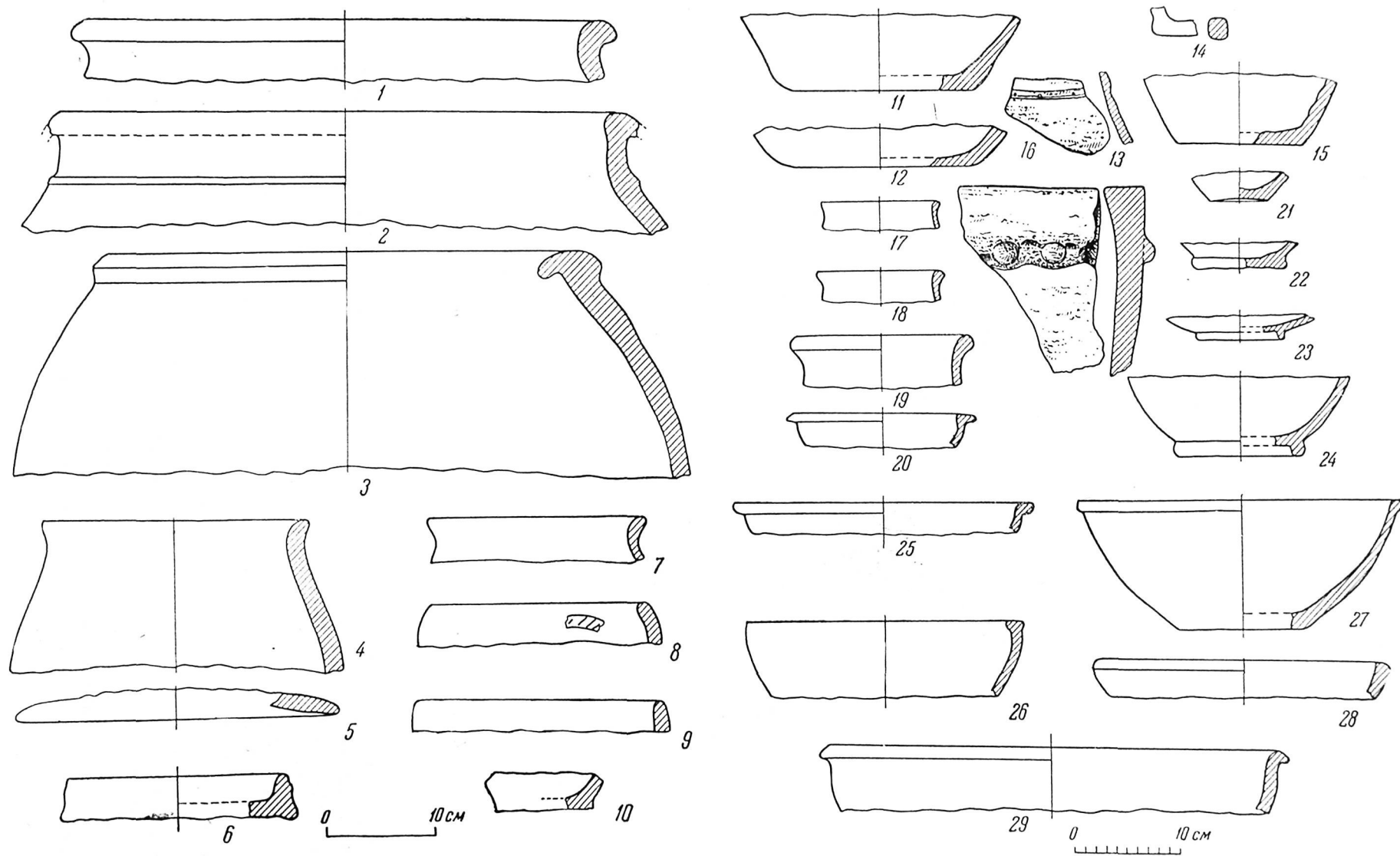

Рис. 41. Бабиш-мулла-2. Керамика
1—3, 11—29 — выработанная на гончарном круге; 4—10 — ручной лепки

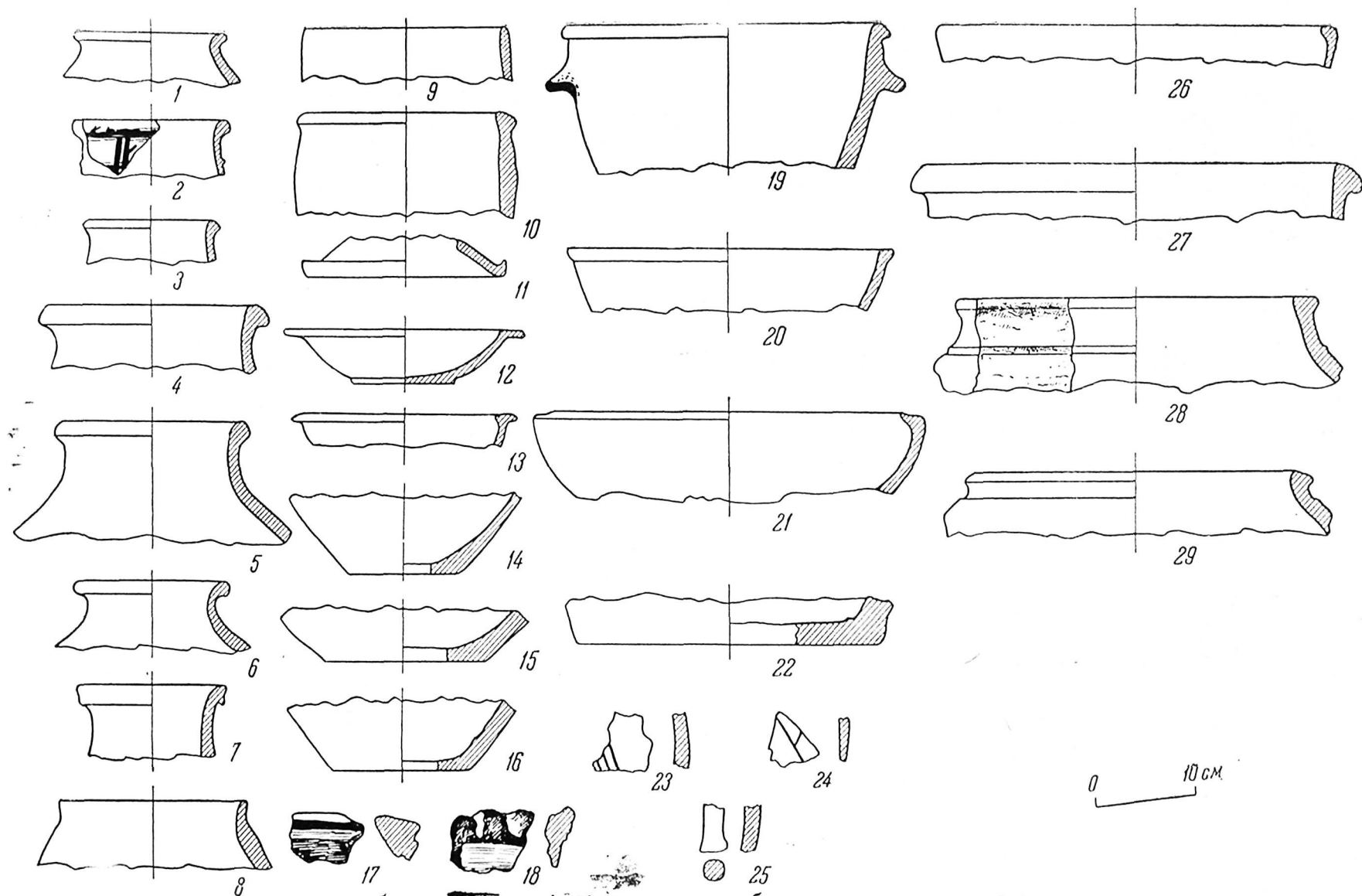

рис. 42. Бабин-мулла-1. Керамика, выработанная на гончарном круге

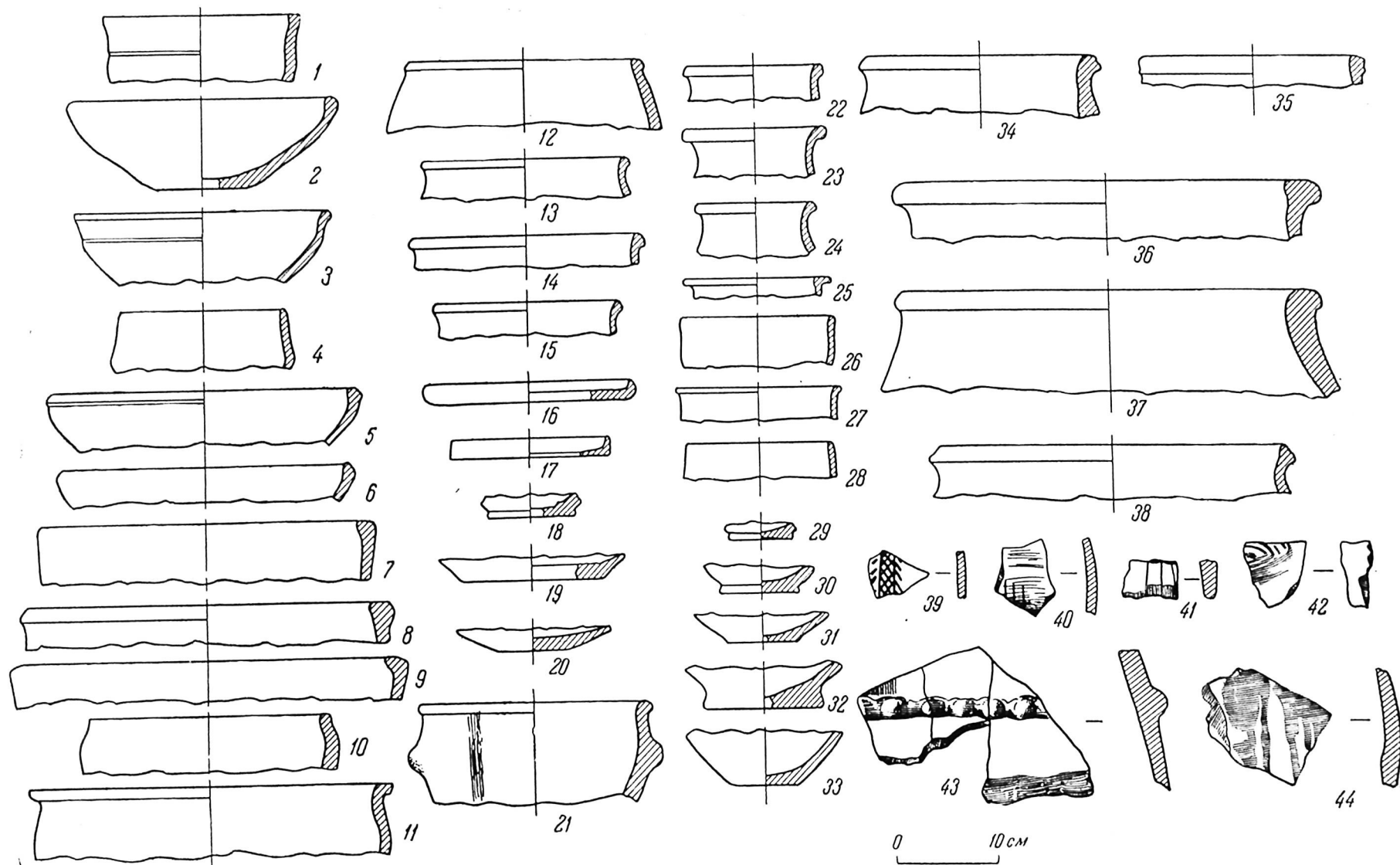

Рис. 43. Поселения в районе Бабиш-муллы. Керамика, выработанная на гончарном круге

Тулово слабо округлое, иногда с перегибом на середине высоты сосуда; от перегиба оно заметно сужается в нижней части (рис. 42, 9; рис. 43, 1, 4, 10, 26—28). Поверхность красно-ангобированная, аккуратно обработанная.

П л о с к и е т а р е л к и обычно сероглиняные, широкие, плоскодонные с невысоким (2—3 см), вертикально направленным или чуть загнутым внутрь бортиком. Среди таких тарелок есть и красно-ангобированные, причем и на сероглиняные или на покрытые красным ангобом иногда наносилось лощение (рис. 43, 16, 17).

К о т л ы — глубокие, расширяющиеся кверху сосуды с округлым выступающим валикообразным венчиком. Диаметр устья около 25 см. В верхней части тулова — две симметрично расположенные ручки-выступы. Поверхность покрывалась или красно-коричневым ангобом или росписью красной краской по светлому ангобу. Роспись обычно состоит из широких, спускающихся от края вертикальных полос (рис. 42, 19; рис. 43, 21).

К р ы ш к и встречены пока одной формы — с высоким верхом и загнутым вверх бортиком (рис. 42, 10). Диаметр нижней части 18—20 см. Полностью форма не восстанавливается.

Кроме ремесленной, формованной на круге керамики, на памятниках комплекса Бабиш-муллы собраны фрагменты сосудов ручной лепки.

Посуда ручной лепки изготовлена из грубо приготовленного глиняного теста. Глина не отмучивалась, небрежно промешивалась, отчего после обжига черепок становился рыхлым, пористым. Из специальных примесей в тесте прослеживаются комочки белого вещества, раздробленного до крупинок, шамот и песок. Чаще всего все три вида примесей наблюдаются вместе; иногда нет шамота, но много песка.

Обжиг костровый. Черепок в изломе чаще черно-серый, попадаются фрагменты серо-коричневого и различных оттенков красноватого и редко желтого цветов. Наружная поверхность заглаживалась водой или покрывалась жидким светлым ангобом, принимавшим при обжиге иногда розоватый тон. Есть фрагменты с лощением.

Форм сосудов среди лепной керамики мало. В основном это г о р ш к и различных размеров (рис. 41, 4, 7; рис. 44, 1—11, 14—17, 19—22), от маленьких горшочков высотой 9—10 см с диаметром дна и устья 6—7 см до больших, скорее похожих на хумчи, высотой 40—45 см, с диаметром устья 26—30 см (рис. 41, 4; рис. 44, 4, 11, 15, 16).

Обычно горшки имеют несколько вытянутые пропорции; край скруглен и слегка отогнут наружу, он образует короткую шейку. Встречаются сосуды с вертикально направленной низкой горловиной, заканчивающейся горизонтально срезанным краем. Плечики более или менее округлые, плавно, реже круто или через небольшое ребро переходящие в тулово. Днище массивное, хорошо выделенное, часто выступающее в нижней части, плоское. На шейке и плечиках иногда наносился прочерченный орнамент в виде зигзага, сочетающегося с наколами (рис. 44, 7).

Х у м ы делались, видимо, грушевидные с округлым, небольшим, валикообразным, выступающим венчиком, диаметром до 45 см. Шейка почти не выделена, плечи покатые. Днище выделенное (иногда выступающее), плоское, диаметром до 40 см.

Глубокие «ж а р о в н и» и сосуды типа с к о в о р о д о к (рис. 41, 6; рис. 44, 12) различаются между собой только глубиной. Они широкие и плоскодонные, с невысоким (4—8 см), слегка отклоняющимся наружу бортиком со скругленным краем. Диаметры дна и устья почти равны и колеблются от 22—23 см до 45 см.

Встречаются м и с к и с округлым туловом и скругленным краем, загнутым внутрь, диаметром до 20—22 см (рис. 41, 8, 9; рис. 44, 13), но фрагментов мисок, как и хумов, в лепной керамике очень мало.

II в лепной и в ремесленной посуде наблюдается сравнительно с Хорезмом заметная бедность форм. Среди лепной посуды преобладают горшки; в ремесленной — горшки и миски. Крупных сосудов — хумов и хумчей — мало. Небольшие сосудики также немногочисленны. В основном комплекс керамики с Бабиш-муллы составляют сосуды средних размеров.

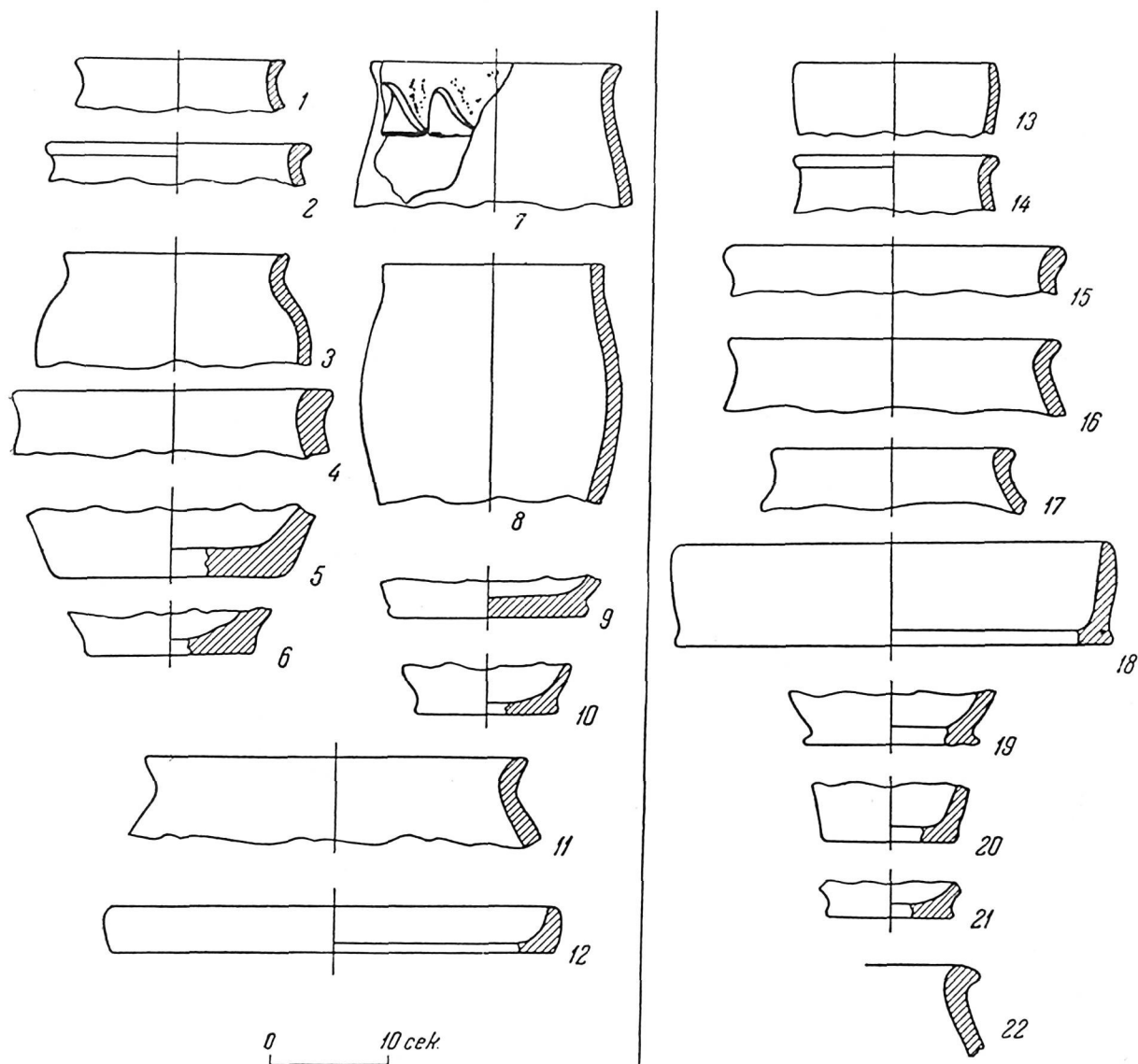

Рис. 44. Керамика ручной лепки

1—12 — с поселений в районе Бабиш-муллы; 13—22 — с крепости Бабиш-мулла-1

Для лепной посуды характерно массивное днище, часто с выступающим нижним краем. Эта местная особенность нашла отражение и в ремесленной керамике, которая вырабатывалась тут же в окрестных поселениях. Напомним, что на некоторых из них обнаружены остатки гончарных печей.

Почти все виды ремесленной посуды с Бабиш-муллы встречаются в керамике Хорезма кангуйского времени (с IV—III вв. до н. э.)³⁸. Однако многие формы или варианты их, получившие распространение в Хорезме того времени, отсутствуют в Бабиш-мулле. В частности, здесь совсем нет

³⁸ М. Г. Воробьева. Указ. соч., табл. между стр. 216 и 217 (второй и третий ряды снизу).

бокалов на высокой ножке — столь частой находки на всех античных памятниках Хорезма.

Обращает внимание малое количество расписных сосудов, сравнительно большое число сероглиняных, наличие сосудов с наlepным валиком, украшенным широкими вертикальными выемками (рис. 41, 13; рис. 42, 28), и фрагментов крупных сосудов или оссуариев с наlepным валиком, орнаментированным пальцевыми вдавлениями (рис. 41, 16). Этот прием орнаментации, а также украшение валика ямками применялся гончарами джеты-асарских поселений нижней Сыр-Дарьи, оставленных племенами сырдарьинских тохаров³⁹. Аналогичные формы мы встречаем также в гораздо более поздних памятниках варварской периферии Хорезма — в Барак-таме и Игды-кале, датируемых IV в. н. э.⁴⁰ В самом Хорезме развитие этой традиции мы встречаем лишь в афригидской культуре VI—VIII вв. н. э.

Некоторые формы посуды из Бабиш-муллы, не известные нам пока в Хорезме, находят аналогии в материалах с других территорий. Так, например, миски с резким перегибом в верхней части (рис. 43, 3) были широко распространены в ремесленной керамике древнего Мерва III в. до н. э.— I в. н. э.⁴¹ На мервской же посуде часто встречается резкий отгиб венчика, не характерный для хорезмийских сосудов; он встречается в кангюйское время лишь в единичных случаях и был распространен несколько позже — с конца II в. до н. э. Близкие по форме чаши, но уже не среди ремесленной, а, по определению Г. В. Григорьева, в лепной посуде известны в материалах слоя Каунчи-1. Там же есть и близкие формы венчиков хумов⁴².

Небольшая сероглиняная мисочка (рис. 42, 12) находит близкую аналогию, вплоть до материала — серая хорошего качества глина — среди посуды из древней Бактрии, в слое III—II вв. до н. э. (Кобадиян II)⁴³. Выше мы уже упоминали о находке оригинальной по форме горловины хума, аналогия которой нашлась в Согде, в слое Афрасиаб II⁴⁴.

Полученные материалы — трехперые скифские наконечники стрел V—III вв. до н. э., керамика, близкая хорезмийской IV—II вв. до н. э., бусы, распространенные в Хорезме и других местах в то же время, — позволяют датировать весь комплекс Бабиш-муллы III—II вв. до н. э., возможно, отчасти, и IV в. Этой датировке не противоречат и приведенные аналогии с археологическими материалами из других районов Средней Азии.

Комплекс существовал, по-видимому, сравнительно короткое время. Объясняется это, вероятно, тем, что он базировался на таком непостоянном водном источнике, как затухающий проток Жаны-Дарьи.

Приведенные аналогии могут свидетельствовать о связях апасиаков, обитавших в нижнем течении Жаны-Дарьи, с окружающим их миром. Доминирующую роль, однако играл Хорезм, влияние которого прослеживается не только по керамике. Чрезвычайно сильно оно отражено и в строительном деле. Проведенные работы на памятниках комплекса Бабиш-муллы еще раз подтвердили полученное при первых обследованиях впечатле-

³⁹ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР (1945—1948). «Труды ХЭ», т. I, стр. 23—24, рис. 12, 13. Там же см. приведенные автором кавказские и тавро-киммерийские аналогии.

⁴⁰ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. СА, 1958, № 1, стр. 127 и след.

⁴¹ Л. М. Рутковская. Керамика древнего Мерва. СА, 1958, № 3, стр. 120 и след.

⁴² Г. В. Григорьев. Каунчи-тепа (раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940, стр. 40, рис. 50.

⁴³ М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян) (1950—1951). «Материалы и исследования по археологии СССР», 1953, № 37, стр. 284, рис. 20, табл. XII, 30.

⁴⁴ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 154, рис. 69, III, 9.

ние, что архитектурные памятники здесь очень близки хорезмийским по общим конструкциям сооружений и отдельным деталям ⁴⁵.

В то же время четко выступают и местные самобытные черты, и прежде всего, наличие огромных погребальных сооружений со своеобразной планировкой и внутренней отделкой помещений.

Здесь следует подчеркнуть, что обследованные на сравнительно небольшой территории погребальные памятники апасиаков демонстрируют различные типы этих сооружений, существовавшие на протяжении всего лишь двух-трех столетий.

Самыми древними из них являются курганы с квадратной камерой, вырытой в песке. Вполне вероятно, что зафиксированная нами на Чирик-рабате при раскопках круглого погребального здания мощная (12—16-сантиметровая) глиняная обмазка на каркасе из жердей, покрывавшая стены камеры, является пережиточным явлением, сохранившимся со времен курганных погребений. Дело в том, что стенки погребальных камер в курганных погребениях, вырытых в песке, неизбежно должны были быть закреплены и, по-видимому, это делалось с помощью именно такой конструкции.

Однако, если этот тип погребений может быть связан с местной апасиаковской культурой, то появление вышеупомянутых четырехкамерных погребальных сооружений, сложенных из сырцового кирпича, возможно объяснить лишь хорезмийскими влияниями, а именно, проникновением хорезмийских конструктивных приемов.

Наиболее характерные погребальные памятники — Бабиш-мулла-2 и круглое здание на Чирик-рабате. Но они не единственные. Во время разведочных работ этого года были обследованы еще три подобных сооружения — Чагырлы-2, Чирик-2 и безымянный бугор с триангуляционной вышкой неподалеку от русла Жаны-Дарьи, между колодцами Ак-Чукур и Кара-Умбет.

Чагырлы-2 — небольшое, круглое в плане сооружение диаметром 15 м со следами крестообразной планировки, но сложено оно из пахсы.

Особый интерес представляет Чирик-2. Он расположен в 1,2 км к северо-западу от Чирик-рабата и, видимо, относится к тому же времени. Это круглое в плане, небольшое (диаметр 16 м) сооружение, сохранившееся на высоту около 3,2 м от современной поверхности такыра, причем южная часть здания сильно разрушена. Оно сложено из сырцового кирпича размером $40 \times 22 \times 8,5$ или $47 \times 29 \times 9$ см с примесью самана.

Зачистка обнаружила в этом здании четыре глиняных пола, причем на каждом из них, в центральной части помещения, лежали толстый слой обгорелого камыша, золы, пережженных костей. На самом верхнем полу, помимо следов кострища, сохранились пережженные человеческие длинные кости и нижняя челюсть — остатки сожженного здесь трупа.

Поверх них шла обмазка, видимо, следующего пола.

Можно предположить, что новые полы настилались над каждым слоем сожженных трупов. Завалы между обгорелыми поверхностями полов везде состоят из углей, горелого камыша и обугленных костей. Процесс трупосожжения происходил, очевидно, в центральной части здания, так как на расчищенном близ стены участке пола нет следов горения.

Очень интересны найденные здесь бусы ⁴⁶. Это прежде всего шаровидная бусина черного цвета из камня группы халцедона. Поверхность окрашена химическим путем. Белый орнамент в виде решетки из белых пятиугольников нанесен раствором соды, сверление двустороннее, сверлом,

⁴⁵ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 57—58; В. Л. Воронина. Строительная техника древнего Хорезма. «Труды ХЭ», 6. 1, стр. 87 и след.

⁴⁶ Определены С. А. Трудновской.

заправленным осколком алмаза. Техника индийского происхождения. В северной Индии подобные экземпляры появляются с рубежа IV—III вв. до н. э. Экземпляр очень редкий. Бусы с аналогичным орнаментом, но нанесенным на естественную поверхность камня, имеют значительно более широкое распространение и известны в иранском мире и в Закавказье, начиная с парфянского времени. Поздние экземпляры найдены в Хорезме на городище Топрак-кала и на городище Канга-кала, где датируются IV в. н. э. Однако рассматриваемый экземпляр по технике сверления и орнаментации отличается от известных более поздних бус и стоит ближе к индийским.

Найден также фрагмент шаровидной бусины из синей ляпис-лазури; в Хорезме аналогий не имеет. Подобные бусы известны из раскопок А. Н. Бернштама на Памире и датируются V—III вв. до н. э. Наконец, среди находок встречаются мелкие стеклянные бусы ярко-голубого цвета, кольцевидной формы. Они были распространены в эллинистическое время. Один очень близкий экземпляр встречен при раскопках Кой-Крылган-кала в помещении внешнего кольца.

Таким образом, бусы дают примерно ту же дату, что и керамика.

Итак, даже рекогносцировочные работы показали многообразие способов захоронения у апасиакских племен. Это многообразие сложилось, вероятно, не без хорезмийского влияния. В связи с этим предположением интересно отметить аналогичную обнаруженной на Бабиш-мулла-2 крестообразную планировку центрального здания на городище Шах-Сенем. Внутренние помещения этого сооружения, сложенного из сырцового кирпича размером $40 \times 40 \times 10$ см, представляют собой два взаимно пересекающихся коридора ⁴⁷. По всей вероятности, здание на Шах-Сенеме было сооружено еще в античное время; позже оно использовалось в качестве цоколя для центрального павильона паркового комплекса этого памятника, датируемого XII—XIII вв. Южный проем оказался заложеным кирпичом другого стандарта ($24 \times 24 \times 4,5$ см), характерным для средневекового времени.

С другой стороны, очень возможно, что центральное здание Кой-Крылган-кала представляет собой какой-то вариант более ранних среднеазиатских скифских погребальных сооружений, созданный в условиях высокой культуры Хорезмского оазиса того времени. Действительно, в планировке этого здания, хотя более сложной и совершенной, чем на Бабиш-мулла-2 или Чирик-2, можно выделить также крестообразно расположенные по осям диаметров центральный неф и выходящие в него две средние комнаты и четыре угловых помещения.

Мы уже не раз говорили об особенностях культуры апасиаков, заключающейся в сочетании сравнительно высокого развития в одних областях с отсталостью — в других. При наличии высокой строительной техники и развитого керамического ремесла, знакомства с выработкой железа, следы производства которого обнаружены на нескольких поселениях, наряду с употреблением бронзовых наконечников стрел, украшений из золота и бронзы, основные орудия труда делались из камня, о чем свидетельствуют находки на городище Бабиш-мулла-1 и на всех окрестных поселениях грубых орудий из кварцита, орудий тех же типов, что и зарегистрированные в варварских поселениях низовий Акча-Дарьи ⁴⁸. Возможно, что в этой неравномерности также отражаются различные влияния со стороны соседних племен.

⁴⁷ Ю. А. Рапопорт. Раскопки городища Шах-Сенем в 1952 г. «Труды ХЭ», т. II. М., 1958, стр. 402 (рис. 3) — 403.

⁴⁸ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг., стр. 109, 110.

Работы Хорезмской экспедиции показали, что верхней датой исследованных памятников является II в. до н. э. Прекращение жизни на апасиакских городищах и поселениях свидетельствует об изменениях, происшедших на территории междуречья Аму- и Сыр-Дарьи в этот период. Середина II в. до н. э.— это именно то время, когда произошло массовое движение степных племен из Присырдарьинских районов на юг—в Бактрию и Индию. Апасиаки были одним из четырех племен, упоминаемых античными источниками в качестве участников завоевания Бактрии. Совпадение даты этого движения, которую дают письменные источники, и даты исчезновения апасиаков с территории их расселения, фиксируемой археологическими материалами,— явление примечательное.

Дальнейшие работы экспедиции помогут разрешить этот и многие вопросы истории этих племен.